

СКАЗКИ
НОВОГО МИРА

Ф. К. КАСТ

СОЛНЕЧНАЯ
ВОИТЕЛЬНИЦА

Филис Кристина Каст
Солнечная воительница
Серия «#YoungFantasy»
Серия «Сказки нового мира», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35511598

Солнечная воительница: [роман] / Ф.К. Каст: АСТ; Москва; 2019

ISBN 978-5-17-111878-5

Аннотация

Жители Земли объединились в кланы и племена, чтобы не погибнуть в одиночку и противостоять жукам-мутантам, смертельным болезням и другим опасностям. Юная Мари – из клана Землеступов. Ее родители поклоняются Матери-Земле и совершают лунные обряды. Возлюбленный девушки, Ник, принадлежит племени Псобратьев. Они строят дома на деревьях и черпают силу солнца. Странник-одиночка Антрес путешествует со своей рысью. После лесного пожара, уничтожившего их территории, они решают начать новую жизнь. Так рождается Стая – маленькое племя, члены которого еще недавно считали себя непримиримыми врагами.

Содержание

1	5
2	20
3	34
4	44
5	68
6	98
7	117
8	135
9	160
10	176
Конец ознакомительного фрагмента.	184

Ф. К. Каст

Солнечная воительница

Эту книгу я посвящаю своим спутникам – тем, кто до сих пор со мной, и тем, кто ушел на поиски нового мира: Бэджеру, Кэмми, Хлое, Кирку, Хану, Клэр, Кхалиси, Пятнистому Пухлику, Тиберию, Пичи и Зене «Королеве воинов» Каст.

В моем сердце всегда найдется место для вас.

1

Мир задышался в дыму. Вязкая, как туман в зимнем лесу, пелена обволакивала Мари и Ника, обвивала их своими щупальцами. Удушливое облако опустилось на землю и развеялось с очередным порывом губительного ветра, а вдалеке прокатился дразнящий раскат грома.

– Вон он! – Мари протянула руку, указывая вперед. – Мы почти у берега. Его можно разглядеть, когда поднимается ветер.

– Ты можешь его описать? Он каменистый, или к нему можно причалить? – спросил Ник, тяжело переводя дух. Не поднимая головы, он налегал на весла, сражаясь с быстрым течением. На дне лодки рядом с Ником лежала крупная овчарка, которая не сводила с него мудрых янтарных глаз, затуманенных тоской.

– Берег илистый, почти без камней, а у воды растет кустарник – не слишком густой, но лодку спрятать можно.

Сидящий рядом с ней пес, молодая копия взрослой овчарки, насторожил уши в сторону берега и громко чихнул. Мари улыбнулась своему спутнику и потрепала ему уши.

– Знаю, но там, – кивнула она на юг, – дыма гораздо больше.

Она обернулась на юношу, который сосредоточенно греб к берегу.

– Ник, ты уверен, что нам стоит здесь причаливать? Мы ушли от пожара совсем недалеко.

Ник, не переставая грести, поднял на нее мрачное лицо, по которому струился пот. Их взгляды встретились. Видеть в его глазах печаль было мучительно больно – слишком хорошо она его понимала. Несколько часов назад он потерял отца. Несколько недель назад она потеряла мать. Быть может, в не слишком отдаленном будущем у них появится возможность разделить эту скорбь, зализать раны. Но сейчас общее горе только мешало, отвлекая внимание от опасности, которая окружала их, подобно густому удушливому дыму.

– Прости, Мари, – сказал Ник и, поколебавшись, выпалил: – Я выпрыгну здесь. Течение снесет тебя дальше по реке – подальше отсюда. Лару пусть остается с тобой и Ригелем. Я отыщу вас, когда все закончится.

Мари удивленно захлопала глазами, а когда до нее наконец дошел смысл его слов, отчаянно замотала головой.

– Ни за что, Ник. Тебе нельзя... – начала она, но он отпустил весло и взял ее за руку.

– Я должен. Должен вернуться к своему народу. Должен им помочь, хоть чем-нибудь.

– Тебя могут убить! Тадеусу ничего не стоит воспользоваться суматохой и всадить тебе в спину стрелу. И какая им будет польза от мертвеца?

– Тадеусу будет не до меня: город надо спасти от пожара. Но я буду осторожен, – заверил ее Ник.

Мари прикрыла глаза, пытаясь успокоиться. Она не станет думать о том, что с ним может случиться. Она не позволит страху за Ника взять над ней верх. Она не будет ему обузой. Она открыла глаза и посмотрела на него.

– Возьми Лару. Он тебя прикроет – особенно когда ты будешь слишком занят, чтобы смотреть по сторонам, – храбро улыбнулась она Нику и его псу, который жался к ногам спутника.

– Меня беспокоит его самочувствие. Я не проверял его лапы – вдруг они обожжены? мех у него слегка опален – на вид ничего серьезного, но мне бы не хотелось заставлять его...

Огромный пес нетерпеливо гавкнул, прерывая его, и уставился на берег, как будто пытался притянуть его усилием воли.

Мари собралась с духом и непринужденно, почти шутливо, заметила:

– Видишь, он на моей стороне. Он ни за что не отпустит тебя одного.

– Ладно, ладно. Давай причалим к берегу.

Ник снова сосредоточился на веслах, направляя лодку к илистому берегу, и Мари обняла своего спутника – сына Лару, – черпая утешение и силу в узах, что связали их до конца жизни. Она понимала, почему Ник хотел вернуться к своему народу и попытаться спасти как можно больше людей от страшного пожара, пожирающего величественный Город-на-

Деревьях, но мысль об опасности, которой он себя подвергает, сводила ее с ума. Мари покрепче прижала Ригеля к себе. *Я только что нашла Ника. Я не могу его потерять – я и так потеряла слишком много.* Ригель тихонько заскулил и принялся вылизывать ей щеку, когда их маленькая лодка коснулась земли.

Ник выпрыгнул из лодки и вытянул ее на берег по илу и камням, а потом помог Мари выбраться на землю. Лару и Ригель неотступно следовали за ним.

Взявшись за руки, они вместе с овчарками поднялись вверх по склону к узкой звериной тропе, бегущей вдоль Канала. Они постояли немного, держась за руки. Ник переводил дыхание и всматривался вдаль, словно пытался различить сквозь завесу дыма горящий город.

– Я могу пойти с тобой. Только скажи, – тихо произнесла Мари, заглядывая Нику в глаза.

– Нет! – почти закричал он, но тут же взял себя в руки и продолжил уже спокойнее: – Нет, Мари. Они могут обвинить в пожаре тебя.

Мари нахмурилась.

– Но пожар устроила не я. Клетки загорелись сами. При чем здесь я?

– Я это знаю. Ты это знаешь. Но я готов поспорить, что Тадеус будет петь другую песню. Я позабочусь о том, чтобы люди узнали правду, но это будет позже. Сейчас главное – победить огонь. И еще... в дыму кто-то был.

Мари удивленно распахнула глаза.

– Ты тоже это видел!

Ник кивнул.

– Теперь это кажется каким-то наваждением, но я могу поклясться, что видел, как огонь и дым приняли облик женщины.

– Не просто женщины, – поправила его Мари. – Богини.

Ник беспокойно дернул плечами.

– Богини так богини. Может, ты и права. Ты у нас – знаток богинь, не я.

К облегчению Мари, в его словах звучало не обвинение, а сдержанное любопытство.

– Я вовсе не знаток. Вот мама – другое дело. Великая Мать-Земля никогда со мной не говорила. Словно ей до меня не было никакого дела.

Ник горько усмехнулся.

– Сегодня она определенно изменила свое мнение. Она тебя спасла.

– Нас, – твердо поправила его Мари. – Если это действительно была Богиня, а не игра дыма и пламени, то она спасла нас – всех четверых. Может быть... может быть, она сделает это снова? Может быть, мне следует пойти с тобой и помочь тебе спасти Племя?

– Нет, – повторил он. – Слишком много «если» и «может быть». Я не стану рисковать. Я не выдержу... – Ник осекся, пытаясь справиться с дрожью в голосе. Он глубоко вздохнул

и вытер со лба пот, прежде чем продолжить. – Я не выдержу, если с тобой что-то случится, Мари. Понимаешь?

– Понимаю, – завершила она его. – Прекрасно понимаю.

– Хорошо. – Он облегченно выдохнул и расслабил плечи. – Мы с Лару пойдем туда, сделаем, что сможем, и вернемся в твою нору.

– Прошу тебя, будь осторожен.

Он приподнял ее лицо за подбородок и заглянул ей в глаза.

– Ты ведь понимаешь, почему я должен идти?

Они кивнула и быстро заморгала, прогоняя непрошенные слезы.

– Там твои друзья. О’Брайен и Шена. Ты должен попытаться их спасти.

Он грустно улыбнулся.

– Да, но дело не только в них. Мари, среди моих соплеменников много хороших людей. Я знаю, тебе сложно в это поверить, но это... это как с твоей подругой Зорой.

– Зора? О чем ты?

– Ну... когда я впервые встретил Зору, она хотела меня убить или, по крайней мере, оставить умирать от ран – просто потому, что видела во мне только врага. И лишь со временем она разглядела во мне *меня*. Пойми, точно так же дело обстоит с моим народом. Доверься мне, Мари. Прошу тебя.

Мари глубоко вздохнула.

– Я тебе верю. Помни, что ты всегда можешь рассчитывать

на меня – и на Ригеля. Спаси своих друзей, Ник. А потом возвращайся ко мне.

– Я вернусь, Мари. Клянусь.

Ник взял ее лицо в ладони и прижался губами к ее губам. В его поцелуе Мари различила вкус дыма, пота и печали. Она прильнула к нему, пытаясь поделиться с ним силой, которая бы поддерживала его и вернула к ней.

– Я принимаю твою клятву, – сказала она, прерывая поцелуй, и крепко обняла его. – И буду тебя ждать.

Ник помедлил, не желая ее выпускать, а потом разомкнул объятия, развернулся и вместе с Лару растворился на тропе в дыму.

Ригель тихонько заскулил, провожая Ника и Лару взглядом. Мари опустилась на колени рядом с подросшим щенком, обвила руками его черную шею и прижалась щекой к густому мягкому меху.

– Знаю, знаю. Я тоже волнуюсь. Но Ник прав. Если мы пойдем с ними, выйдет только хуже. И потом, мы должны вернуться к Зоре. Если ветер переменится, огонь может перекинуться на нашу территорию. А еще надо найти женщин с Фермерского острова. Им понадобится наша помощь. – Она снова крепко обняла пса и поцеловала его в лоб, прежде чем отпустить. – Пойдем, дружок.

Ник остановился, когда они с Лару шагнули в ручей недалеко от Города-на-Деревьях, – он узнал знакомые места, несмотря на то что лес был затянут черным дымом. Он оторвал от туники полосу ткани, тщательно пропитал ее водой и быстро ополоснул тело.

– Лару, полезай в воду. Хорошенько намочи шерсть. Если мы хотим бороться с огнем, важна будет любая мелочь.

Огромный пес послушно вошел в ручей и улегся в воду, оставив на поверхности только нос, глаза и кончики черных ушей.

– Молодец. Хороший, умный мальчик. Я люблю тебя, Лару. Я люблю тебя, – пробормотал Ник и с нежностью погладил Лару по голове.

Овчарка подняла на него глаза, и Ник почувствовал бремя возникшей между ними связи, когда от пса к нему потекли грусть, сожаление и чистая, безусловная любовь. Стоя в чистой воде, Ник опустил на колени рядом с Лару и заглянул в его умные янтарные глаза.

– Я тоже по нему скучаю. И всегда буду скучать.

Ник изо всех сил сопротивлялся отупляющему отчаянию. Всего несколько часов назад его гордый отец, Жрец Солнца и предводитель Древесного Племена, стоял рядом со своим спутником, альфой по имени Лару. Сол выступил против

Тадеуса и Сирила, против предрассудков и невежества Пле-мени, защитил Мари и потребовал освобождения Землесту-пов, которых его народ в течение многих поколений держал в рабстве.

Сол был отважен, мудр и делал то, что считал правиль-ным. Не раздумывая ни секунды, он спас Мари ценой соб-ственной жизни.

Ник знал, что будет возвращаться к этой сцене всю свою жизнь, вспоминая, как Тадеус вскидывает арбалет и целится в Мари, Сол толкает Мари в сторону и стрела, предназна-ченная ей, пронзает его сердце. А потом пламя пожирает при-чал, плавучие дома, тело его отца – и едва не пожирает Лару.

Ник нежно приподнял голову пса. На морде Лару уже проступили серебристые крапинки, но его тело оставалось мощным и крепким. Его густой мех лоснился здоровьем. Он только недавно достиг расцвета сил.

– Спасибо, что выбрал меня. Спасибо, что не умер вместе с отцом, – негромко сказал Ник.

Голос его дрожал, а по щекам медленно струились слезы. С самого детства он мечтал, как однажды какая-нибудь ов-чарка выберет его в спутники – сделает выбор, на который нельзя повлиять, который нельзя предсказать или изменить. В последние годы он надеялся, что его выберет один из щен-ков Лару, и даже какое-то время верил, что это будет Ригель.

Никогда, ни секунды за всю свою жизнь он не предпола-гал, что Лару переживет его неутомимого, пышущего здоро-

вьем отца и выберет в спутники его, Ника.

– Я всю жизнь только и мечтал, чтобы меня выбрала овчарка. А теперь, когда это произошло, я готов отказаться от своей мечты – готов отдать все, лишь бы отец был жив.

Человек и пес склонили головы в едином порыве тоски и боли от потери. Из глубины отчаяния их вырвал Лару. Он резко поднялся, отряхнулся, выпрыгнул из воды на тропу, ведущую в Племя, и оглянулся на Ника, подкрепляя ободряющим лаем волну любви и утешения, которую он направил своему новому спутнику.

Ник уставился Лару в глаза и увидел в них будущее – будущее, рожденное из пепла старой жизни, навсегда оставшейся в прошлом; это будущее засияло бы ярче солнца, которому служил его отец, если бы он, Ник, нашел в себе силы подняться и собрать из обломков своего разрушенного мира новый.

Он вспомнил твердый взгляд серых глаз Мари и понял, что *обязан* найти в себе силы. Ради отца и Лару, ради Мари и Ригеля – даже ради себя самого Ник обязан был найти в себе силы.

Мысленно он пообещал себе и своему спутнику: «Мне хватит сил!».

– Ну, пошли!

Ник обернул вокруг шеи мокрый лоскут ткани, завязав его так, чтобы в случае необходимости прикрыть нос и рот, и поспешил за овчаркой.

Уверенной трусой они двинулись дальше. Ветер поднялся снова, донося до них дразнящие раскаты далекого грома. На очередном подъеме тропы Лару остановился и подождал, пока Ник его догонит. Они постояли немного, переводя дух. И тут ветер зловеще завыл и переменялся.

Когда дым отнесло в сторону, Ник почувствовал облегчение. Они с Лару жадно глотали прохладный, чистый воздух до тех пор, пока остатки дыма не развеялись, открывая их глазам полыхающий среди деревьев город. Дыхание замерло у Ника в горле. Вся северная часть их дома была объята пламенем. Он увидел, что его соплеменники повалили несколько самых больших и старых деревьев, на которых размещались с любовью обустроенные гнезда, чтобы лишить наступающий огонь пищи. Кажется, это сработало – особенно когда ветер переменялся, унося огонь прочь от сердца города.

Но Племя уже успело заплатить страшную цену.

– Нет, – прохрипел Ник. – Нет, – повторил он и в отчаянии упал на колени, глотая бессильные слезы и глядя, как пламя пожирает его народ и место, которое служило ему домом всю его жизнь.

Лару прижался к нему. Ник обхватил пса рукой, и от ощущения близости спутника, от его силы и любви ему стало немного легче.

– Я должен остановить огонь, Лару. Не знаю, как, но я должен это сделать.

Лару грустно заскулил, но тут же собрался, решительно

гавкнул и, вывернувшись из объятий Ника, сделал несколько шагов по тропе, после чего обернулся и выжидающе уставился на своего спутника.

– Ты прав, здоровяк. Хватит расслаиваться, пора за дело.

Они с Лару бросились вперед. Через пару минут они встретили напуганных и перепачканных сажей Псобратьев, бегущих от огня. В глаза Нику бросились ожоги, синяки и открытые раны. Люди брели вперед с таким отсутствующим видом, словно их души остались в полыхающем за спиной городе.

– Ник! Боже, Ник. Ты жив!

От группы, пошатываясь, отделилась женщина. Он машинально поддержал ее за локоть, хотя не узнал ее лица, измазанного сажей и потом, пока овчарка у ее ног не поприветствовала Лару.

– Шена! Вы с Капитаном живы! Ты видела О’Брайена? С ним все хорошо?

– Когда я видела его в последний раз, он был жив, – кивнула Шена, пытаясь перевести дыхание. Мимо них медленно, словно погруженные в кошмарный сон, брели их соплеменники. – Но он вернулся в город. – Она слабо махнула рукой на пылающий лес. – Он сказал, что слышал, как плачут щенята Фалы. Он сказал, что... что он их спасет. – Она всхлипнула. – Как он вздумал их спасти? Разве в таком аду можно уцелеть?!

Ник схватил ее за плечи и заставил посмотреть ему в гла-

за.

– Шена, дыши глубже. Успокойся. Сейчас же. Ты нужна этим людям.

Шена дрожащей рукой стерла со своего грязного лица пот, слезы и сажу.

– Ладно. Да... Ты прав. – Она неуверенно кивнула и ухватилась за Ника, как за спасительную соломинку. – Что мне делать?

– Вы идете в правильном направлении. Продолжайте двигаться к Каналу. Если ветер снова переменится, то загорится весь лес. Канал – ваша единственная надежда.

– Но многие ранены. Рядом с Каналом нет никаких припасов. Как я могу им помочь? Ник, по-моему, все целители погибли. Они отказались покидать лежачих больных в лазарете. Я слышала их крики. Наверное, я до конца жизни буду слышать их крики.

Ник встряхнул Шену за плечи.

– Прекрати! Не думай об этом. На платформе для дозорных – той, что рядом с Каналом – есть запас провианта, ты прекрасно об этом знаешь. Идите туда. Если целители мертвы, нам придется взять на себя их работу.

– Где Мари? Она же целительница. Она может помочь. А Сол? Где наш Жрец Солнца?

Ник постарался, чтобы его голос звучал спокойно и твердо.

– Мари пришлось вернуться на территорию Землеступов.

А Сол погиб.

Шена помотала головой, в ужасе распахнув глаза.

– Сол погиб? Нет. Не может быть. Даже солнце от нас отвернулось!

– Послушай, Шена. Происходящее не имеет никакого отношения к солнцу. Во всем виновата человеческая алчность и предрассудки, но у меня нет времени на объяснения. Сейчас тебе достаточно будет знать, что Тадеус опасен. Ему нельзя доверять. Это он убил отца.

– Что? Но как? – пролепетала она.

Ник мотнул головой.

– Не сейчас. Позже. Просто помни, что ему нельзя доверять – а может, и Сирилу тоже. Я не знаю, насколько сильно Тадеус успел отравить Племя. Шена, мы нужны нашему народу. Собери у Канала всех, кого сможешь. Я пришлю кого-нибудь вам в помощь. На старой платформе для медитаций всегда есть запас продовольствия, а Старый лес довольно далеко, так что пожар до него не добрался.

«Пока не добрался», – добавил он мысленно, но вслух сказал только:

– Я попрошу кого-нибудь доставить эти припасы вам.

– Хорошо. Я отведу к Каналу всех, кого найду. Я... я поищу на дозорной платформе провиант и буду ждать припасов. Но... Ник, когда стемнеет... Многие ранены – и очень серьезно. Запах крови приманит рой, и тогда...

– Шена, соберись! Не все сразу. До заката еще много ча-

сов. У вас полно времени, чтобы возвести укрепления и даже развесить у Канала дорожные коконы и гамаки, если потребуется. Ты справишься. Я в тебя верю.

Шена слабо кивнула.

– Ладно, ладно. Ты прав. Я все сделаю. Но ты все-таки поспеши, Ник. Многие держатся на ногах только благодаря шоковому состоянию. Когда адреналин схлынет, им придется тяжело. А я понятия не имею, как им помочь.

– Я тебя не брошу. Обещаю, – заверил ее Ник. – Пошли, Лару!

Ник пустился бежать вдоль растянувшихся в цепь раненых Псобратьев, а Шена принялась подбадривать людей. «До Канала рукой подать! – донеслось до него. – Скоро мы будем в безопасности!» Ник сжал зубы и ускорился, взмолившись про себя, чтобы отец одолжил ему сил и мудрости, которые помогли бы ему пережить этот кошмар.

2

Добравшись до той части леса, в которой располагался Город-на-Деревьях и которую Ник знал как свои пять пальцев, они с Лару свернули с тропы. Они взобрались по крутому холму, следуя кратчайшим путем в сердце Племени. Едкий запах дыма раздражал горло, наполняя рот горькой слюной. У тропы неподалеку от первых из гигантских сосен, на которых размещались гнезда Псобратьев, Ник с Лару остановились. Дым взвился вокруг них, так что Ник на секунду потерял дорогу. Затем ветер в очередной раз сменил направление, разогнав серую пелену, и они увидели, что в их сторону кто-то бежит. Это была женщина. Она кричала и прижимала к груди черного терьера, а туника у нее на спине уже занялась огнем.

– Стой! – закричал Ник, бросаясь к ней. – Я тебе помогу, но тебе надо...

Лару опередил его и, метнувшись к горящей женщине, сбил ее с ног. Терьер вывалился у нее из рук, а Ник лихорадочно стянул с себя рубашку и накинул ее на женщину, пытаясь потушить пламя.

– Фала! – вопила она. – Фала!

– Роза, это я, Ник! – Он бросил взгляд на терьера, который прижимался к Лару, дрожа от страха. – Фала в порядке. С ней Лару. Не двигайся. Я потушил огонь. Теперь надо по-

нять, что у тебя со спиной.

Ник почувствовал, как Роза обмякла, но при этом она повернула голову, устремив на своего терьера взгляд, полный боли.

– Щенки. Щенки Фалы. Они остались в городе. – Голос Розы сорвался, и из глаз у нее хлынули слезы. – О’Брайен пытался их спасти, когда горящая ветка с соседней сосны подожгла наше дерево.

– Где он? Где О’Брайен?

Дрожащей рукой Роза указала на стену дыма и жара у себя за спиной.

– Там. Он остался там.

Ник опустился рядом с ней на колени.

– Ты можешь сесть?

Она кивнула, и Ник помог ей подняться с земли. Фала заковыляла к своей спутнице, и Роза взяла маленькую терьериху на колени, прижимая к себе.

– Что со спиной?

– Я не целитель, но выглядит все не так уж и плохо. Тунику твою придется выбросить, но благодаря ей кожа почти не пострадала. Ты можешь идти?

– Думаю, да. Но я не брошу щенков. – Роза начала подниматься, не выпуская Фалу из рук. – Я должна вернуться. Я должна их спасти.

– Я пойду. – Ник положил руку ей на плечо. – Возьми Фалу и идите по тропе, которая спускается к Каналу. Поста-

райтесь догнать Шену – она ведет к воде людей. Скоро подоспеет помощь. А я принесу тебе щенков, когда найду их с О’Брайеном.

Она уставилась на него остекленевшими от шока глазами.

– Если Фала потеряет весь помет, это ее убьет. Я так и сказала О’Брайену, когда он взялся мне помогать. Прости, Ник. Я не хотела, чтобы он тоже погиб.

– О’Брайен жив. И щенки Фалы тоже. Доберитесь до безопасного места. Об остальном позабочусь я.

– Ник, где Сол? Почему он не погасил огонь?

– Все будет хорошо. Мы справимся с огнем, – уклонился Ник от ответа. Он развернул Розу лицом к тропе, ведущей к Каналу. – Иди. Встретимся у Канала – ты, я и щенки Фалы.

Роза медленно кивнула.

– Спаси их – и спасешь меня и Фалу. Я не смогу без нее жить.

Нежно прижав к груди дрожащую терьериху, она побрела прочь.

Ник не раздумывал ни секунды.

– Надо найти О’Брайена, – сказал он Лару.

Овчарка шумно фыркнула и без лишних колебаний направилась к дымовой завесе. Ник поспешил за псом.

Не прошли они и десятка футов, как у развилки Лару склонил голову набок, уловив запах О’Брайена. С заливи-стым лаем он метнулся влево. Ник кинулся за могучей овчаркой, стараясь не отставать.

– О’Брайен! Отзовись! Где ты? – закричал Ник.

– Здесь! Я здесь!

Лару нырнул в клубы дыма, и Ник окончательно потерял его из виду.

– О’Брайен! – позвал он снова.

– Я здесь, Ник! Сюда!

Ник побежал на голос кузена и лай Лару и едва не свалился с поваленного дерева, остановившись в шаге от стоящего на коленях юноши и замершего рядом Лару.

О’Брайен поднял на Ника потное, покрасневшее от жара лицо и улыбнулся, явно не веря своим глазам.

– У тебя талант появляться в самых неожиданных местах, братец, – выдохнул О’Брайен. – Но я всегда рад тебя видеть.

Ник опустился на землю рядом с юношей, которого считал скорее родным братом, чем кузеном. Туника О’Брайена странно топорщилась, и он сидел, обхватив себя за плечи, как будто опасался, что рассыплется на части. Ник похолодел.

– Ты ранен? Повредил грудь? Тебя сильно обожгло?

– Я не ранен. Так, по мелочи. Просто пытаюсь перевести дыхание. Эти ребята куда тяжелее, чем выглядят.

Только тогда Ник заметил, что рубашка кузена шевелится. О’Брайен развел красные, обожженные, покрытые волдырями руки, и Ник увидел, как пять маленьких черных мордочек высовываются у него из-за пазухи и тычутся носами в задымленный воздух.

– Щенки Фалы! – воскликнул Ник. – Ты все-таки их спас!

– У меня не было выбора. Не могу смириться с тем, что вы с Солом – единственные герои в семье.

– У тебя обожжены руки и лицо. – Ник быстро оценил ситуацию. – Сожри меня жуки, О’Брайен! Чем ты думал? Еще вчера в это же время ты умирал от парши.

Он никак не мог решить, чего хочет больше: обнять кузена или отвесить ему затрещину.

– Ты прав, братец. Пожар случился очень не вовремя. – Он лукаво улыбнулся.

Не в силах выразить свое облегчение, Ник опустился на землю; Лару втиснулся между ними и принялся обнюхивать копошащихся щенков.

– Щенки в порядке?

– В полном. Надо найти Розу и Фалу. Нас отрезало от них, когда загорелось дерево. Фала запаниковала, да и Роза была близка к истерике.

– С ними все хорошо. Я отправил их к Каналу. Шена ведет туда раненых. Нужно обеспечить их продовольствием, а потом...

Губительный ветер снова переменился, взъерошив Нику волосы, и вокруг них с почти человеческим стоном взвился вихрь дыма, жара и искр: могучая стихия с неутолимым голодом стремилась поглотить Древесное Племя.

– Так же весь лес сгорит! Ветер как будто нарочно подпитывает огонь! – Ник принялся озираться, пытаясь разглядеть

хоть что-нибудь через завесу дыма и понять, в какую сторону пойдет пламя на этот раз.

– Ник, ты должен привести Сола к защитной полосе! Пусть он призовет солнечный огонь и остановит пожар, пока не загорелись священные сосны. – В голосе О’Брайена больше не было и тени шутливости.

– Сол умер.

О’Брайен нахмурился и помотал головой, словно пытаясь отмахнуться от слов кузена.

– Что ты сказал?

– Отец умер. – Ник говорил медленно, опасаясь, что голос сорвется.

Глаза кузена наполнились слезами, которые заструились по его опаленным жаром щекам.

– Как?

– Тадеус его застрелил.

– Что?! Чтобы Псобрат застрелил Жреца Солнца? Это... быть такого не может! *Никогда* такого не бывало. – О’Брайен вцепился Нику в ворот рубахи и затряс кузена. – Это какая-то ошибка!

Ник накрыл кулак кузена своей рукой.

– Это не ошибка. Я там был. Тадеус пытался убить Мари. Отец спас ей жизнь.

– Мари? Но ведь ее нужно защищать. Она же способна исцелять паршу!

– Тадеуса это не волнует – и Сирила тоже. Для них важно

только, чтобы Землеступы оставались нашими рабами.

– В этом замешан Сирил? Невозможно. Это случилось на Фермерском острове? Мари пыталась освободить землеры... прости, Землеступов?

– Не освободить, нет. По крайней мере, не сразу. Она лечила их от тоски, которая их убивает. Тадеус как-то прознал, что она там, и привел Сирила и нескольких Воинов. Могу только догадываться, какую гнусную ложь про нее и про отца он им скормил. Они напали на нас. Вот так и начался пожар. Огонь перекинулся через Канал и пополз вверх по склону.

– Трудно в это поверить. – О’Брайен посмотрел на него, потом на Лару, потом опять на него.

– Лару решил не умирать вместе с отцом, – ответил на невысказанный вопрос Ник. – Он выбрал меня. Теперь он мой спутник.

Овчарка прижалась к Нику крепче, глядя на него янтарными глазами, наполненными бесконечной любовью.

– Я все еще не понимаю... не могу в это поверить.

Ник обнял Лару и снова повернулся к О’Брайену.

– Я все расскажу позже. Сначала нужно помочь Племени. – О’Брайен мрачно кивнул, и Ник продолжил: – Ты видел Уилкса и Воинов? А Тадеуса? Его ты видел?

– Я видел только Уилкса и Одина. Они добрались до Племени первыми и протрубили тревогу. Уилкс велел детям, старикам и больным уходить, а остальных отправил к Барсучьему ручью. Там они хотят прорубить защитную полосу.

Ник кивнул: попытаться остановить огонь у основного источника воды было разумно. Барсучий ручей был широким и быстрым речным притоком, который брал начало в глубине Барьерных гор на северо-западе и нес свои холодные чистые воды через сердце Древесного Племена. За землями вокруг ручья всегда тщательно следили; вдоль берегов не было ни зарослей, ни валежника.

– По обе стороны ручья много открытого пространства, да к тому же мощный поток текущей воды... Вполне подходящее место для защитной полосы, – заметил Ник.

– Вот только нам все равно нужен солнечный огонь.

– Жреца Солнца у нас больше нет, – мрачно сказал Ник.

– Тогда нам конец.

– Не обязательно. У меня есть идея.

– Ты думаешь о Мари, верно?

– Нет! Ей пока нельзя возвращаться. Тадеус ее убьет.

– Ник, она призвала солнечный огонь, когда ее мать... – начал О'Брайен, но Ник его перебил:

– Нет! То есть да, призвала. Но она не знает, как сделать это снова, и уж тем более – как его контролировать. Она даже не умела впитывать солнечный свет, пока я ее не научил. Я думал о Старейшинах и Воинах вроде Уилкса. Да взять хотя бы меня. Я могу подогреть миску воды, если очень постараюсь, а некоторые из Старейшин могут высечь искру, чтобы зажечь свет или развести огонь в очаге.

О'Брайен посмотрел на него скептически.

– Греть воду, зажигать свечи и высекать искры, чтобы поджечь трут в очаге уютного гнездышка – это одно, а призывать солнечный огонь – совсем другое.

– Знаю. Но что если собрать всех, кто умеет греть воду, зажигать свечи и так далее? Разве нельзя объединить силы и призвать огонь вместе?

– Такие вопросы лучше задавать Жрецу Солнца.

– У нас нет Жреца Солнца, и времени на вопросы тоже нет. Надо действовать, чем я и собираюсь заняться, – сказал Ник. – Возьми щенков. Ты знаешь тропу, которая идет вдоль западного берега Канала?

О’Брайен кивнул.

– Иди в ту сторону, – показал Ник через плечо. – Перейдешь маленький ручей и выйдешь к этой тропе. Догони Ро-зу, Шену и остальных. Дойди с ними до Канала и помоги им обустроиться. Проследи, чтобы люди пили побольше воды. Не позволяй им шуметь и поднимать панику. Не говори, что отец умер – это их только напугает. На платформе для дозорных есть запас провианта, и я тоже пришлю что-нибудь, как только смогу.

– А куда пойдешь ты? – спросил О’Брайен.

– К Барсучьему ручью. Делать защитную полосу.

– Хорошо. Помогите-ка мне встать и уложить щенков, – и пойдём каждый своей дорогой.

Одной рукой он прижал к груди копошащихся щенков, а другую протянул Нику, и тот рывком поднял его на ноги. Ед-

ва они закончили запихивать щенков под рубашку О'Брайену, как из дымовой завесы у Ника за спиной вывалилась Роза.

– О'Брайен! Хвала Солнцу! Ты их спас! – Роза кинулась к О'Брайену, и он осторожно наклонился, чтобы опустить щенков на землю к счастливой матери. Глотая слезы, Роза выдавила: – Спасибо! О, спасибо тебе! Как я могу отплатить тебе за твою храбрость?

– Малыши с Фалой, целые и невредимые, а большего мне и не надо, – сказал О'Брайен.

– Роза, что ты здесь делаешь? – спросил Ник. – Ты должна была добраться до Канала и ждать там. Вам пришлось вернуться из-за дыма?

Роза помотала головой.

– Нет. Огонь распространяется вдоль склона. Он отрезал нас от воды. Я не знала, куда идти.

– Плохо дело, – пробормотал Ник, обращаясь скорее к себе, чем к Розе. – На территорию Племени идти нельзя. Там тоже пожар.

– А если пойти к старой платформе для медитаций? Она довольно далеко от города, – предложил О'Брайен.

– Недостаточно далеко. И потом, рядом с ней только один маленький колодец – и больше никаких источников воды. Слишком опасно: можно угодить в ловушку, – возразил Ник.

Вдруг из кустов раздался треск, и к ним с отчаянным лаем бросился Капитан. За ним показалась Шена – она поддержи-

вала двух девушек, шатаясь под их тяжестью. У одной, похоже, была сломана лодыжка, у другой левую половину тела покрывали сильные ожоги.

У Ника похолодело в животе.

– Что случилось?

Пока Ник помогал усадить раненых на мох, Шена вытерла с закопченного лица пот и пояснила:

– Большинство наших добралось до тропы, ведущей к Каналу. Я услышала, как Сара и Лидия зовут на помощь, и вернулась за ними. Тут ветер переменялся. Сухой кедр загорелся, и нас отрезало от остальных. – Шена отвела Ника и О’Брайена в сторону, подальше от девушек и Розы, и понизила голос. – Не знаю, добрались ли остальные до воды. Это было ужасно. Сначала все было в дыму. А потом раз – и вокруг уже пляшут языки пламени. Не исключено, что все погибли. – Шена не сводила с Ника затравленного взгляда. – Я должна вернуться. Я должна попытаться прорваться к ним.

– Так ты никому не поможешь – только подвергнешь себя и Капитана опасности, – возразил О’Брайен.

– Он прав, – кивнул Ник. – Если их окружил огонь, они уже мертвы. А если нет, они должны быть у Канала и, будем надеяться, в безопасности.

– Я почти рада, что Кристал с нами нет, – сказала Шена. – Видеть, как горит город, как гибнет наш народ... она бы этого не вынесла. Проклятье, что же нам делать?

Ник взъерошил волосы, пытаясь собраться с мыслями.

Неизвестно, далеко ли распространился огонь вдоль воды. Возможно, они полностью отрезаны от Канала. Вести раненых девушек и Розу в город нельзя – там тоже небезопасно. Им нужна вода и надежное укрытие...

И тут Ник понял, как поступить.

– О’Брайен, ты сможешь найти дорогу к ручью на территории Землеступов, где мы впервые обнаружили следы Ригеля?

Кузен удивленно вскинул брови, но кивнул.

– Думаю, да, даже в дыму. Мы столько раз туда ходили!

– Хорошо. Вот как мы поступим. Ты отведешь Шену, Розу и девочек к ручью. На Поляне собраний Землеступов должно быть безопасно. Я догоню вас при первой возможности, но если что-то случится... найди Мари. Она вам поможет. Я в этом уверен.

– Постой, но как мне найти Мари?

– Мари? Та девушка, что спасла Капитана? – спросила Шена.

Ник кивнул.

– Да, Мари спасла Капитана и О’Брайена.

– Кажется, она талантливая целительница, но я все равно не понимаю. Почему нам надо идти к Поляне собраний землерылов, чтобы найти Мари?

– Нет времени объяснять – все слишком запутанно. Ты можешь мне довериться?

Шена перевела взгляд с Ника на О’Брайена и быстро при-

няла решение.

– Я тебе верю. Мы с Капитаном живы благодаря твоей Мари.

– И я тоже, – добавил О’Брайен. – Но я так и не понял, как мне ее искать.

– Капитан найдет ее – или, скорее, Ригеля. А там, где Ригель, должна быть и Мари, – пояснил Ник.

– Если щенок там, Капитан его выследит, – подтвердила Шена.

– Пусть ищет на юго-востоке. И зовите Ригеля, пока ищете. Не сдавайтесь. Обещаю, рано или поздно он к вам выйдет.

– Погоди, братец. Ты ведь скоро нас догонишь, так?

– Постараюсь, но если я не выберусь из города, тебе нужно будет найти Мари. Скажи ей... скажи, что мне очень жаль. Скажи, что я хотел бы, чтобы все закончилось иначе.

– Ничего я ей говорить не буду, братец. Постарайся не умереть. Если не сможешь придумать, как остановить огонь, сматывай удочки. Если ты умрешь, не одна Мари будет в бешенстве.

Ник быстро обнял кузена.

– Я постараюсь, братишка.

– Если увидишь моих родителей... – начал О’Брайен, но осекся и прижал ладони к глазам.

– Если я их увижу, то сделаю все, чтобы им помочь, – заверил его Ник.

О’Брайен тяжело сглотнул.

– О большем я и не прошу.

– Ладно, О’Брайен, Шена – дайте Розе и девочкам немного передохнуть и выдвигайтесь. Оставаться так близко к городу слишком опасно. А мы с Лару пошли.

Прежде чем он ушел, Шена коснулась его плеча.

– Да благословит тебя Солнце. Пусть оно придаст тебе сил и убережет от беды, – торжественно произнесла она.

– И тебя, Шена. – Ник жестом подозвал к себе Лару. – Идем!

3

Мари свернула с ведущей в Племя тропы и нырнула в подлесок, но, сделав несколько шагов, остановилась, растерянно покусывая губу. В глубине леса, вдали от горящего города, дым был не такой густой, но достаточно плотный, чтобы затянуть небо, из-за чего она полностью утратила чувство направления. Мари медленно развернулась на месте, пытаясь сообразить, как лучше обойти территорию Древесного Племени и не потерять слишком много времени, добираясь до болотистой местности на юго-востоке, где жили Землеступы.

Она выбрала было направление, но уткнулась в непролазные заросли ежевики, из которых им с Ригелем пришлось выбираться с величайшей осторожностью. Чем дальше Мари искала знаки, которые помогли бы ей определить, в каком направлении находится дом, тем больше раздражения она испытывала.

Внезапно Ригель замер в нескольких футах от нее. Задрал голову и хвост и насторожив уши, он потянул носом. Из груди его вырвалось предостерегающее рычание, и Мари поняла, что они больше не одни. Но когда она вместе с Ригелем начала отступать, судорожно высматривая поваленное дерево или густой кустарник, в котором можно спрятаться, на поляну вывалилась Изабель – юная девушка-Землеступ, только что освобожденная из плена.

– Мари! Мари! Я тебя нашла! С ума сойти, я тебя нашла! –
Изабель бросилась к Мари, но резко остановилась, едва не
врезавшись в Ригеля, который покровительственно прижал-
ся к ноге своей спутницы, продолжая ворчать. – Мари? –
прошептала девушка бесцветными от страха губами. – По-
моги! Не дай ему на меня напасть!

– Ригель, все хорошо. Изабель наш друг, – сказала Мари
щенку и потрепала его по голове, хотя он и без того уже успо-
коился и прекратил рычать. – Не бойся его, Изабель. Даю
слово, он не причинит тебе вреда.

Все так же потрясенно Изабель уставилась на Ригеля.

– Не понимаю. Почему с тобой овчарка Псобрата?

– Ригель со мной, потому что он выбрал меня в спутни-
цы, – пояснила Мари как можно небрежнее. – Наверное, на
причале ты его просто не заметила.

– Еще как заметила. Я подумала, что он с тем молодым
Псобратом, который вчера пришел за Дженной. Кажется, его
зовут Ник. Я... я не уверена. После того, как ты нас омыла, я
впервые с того дня, как меня схватили, смогла мыслить ясно.

– Ты права. Его зовут Ник. А его спутника зовут Лару. А
это Ригель, сын Лару. Он принадлежит мне, а я ему.

Изабель посмотрела на Ригеля, потом на Мари.

– Но это невозможно. Ты же не... – Она ахнула, когда по-
няла наконец, что именно видит перед собой. – Твои воло-
сы... твоё лицо! Это ты – и одновременно не ты, – медленно
произнесла Изабель. – Ты похожа на них.

Мари расправила плечи.

– Мой отец был Псобратом из Древесного Племени. Мы с мамой скрывали это от Клана. Но теперь мама мертва и многое изменилось. Я больше не прячусь.

Изабель сцепила руки, продолжая смотреть на Мари. Наконец она произнесла:

– Ты теперь с ними? С Древесным Племенем?

Мари фыркнула.

– Ты уже забыла, как они пытались меня застрелить?

– Нет, но тот юноша... Ник... Мне показалось, что он и Жрец Солнца были на твоей стороне.

– Да, были. И сейчас тоже. – Мари помотала головой и грустно продолжила: – Только Ник. Жрец Солнца, Сол, был его отцом. Он погиб на причале, защищая меня.

– Я все-таки не понимаю, как так получилось. – Изабель обвела рукой Мари и Ригеля.

– Это долгая история. Я с удовольствием тебе ее расскажу, но предпочла бы делать это подальше от горящего леса.

– Хорошо, хорошо. Согласна. Нам в любом случае нужно вернуться к остальным.

– Остальным?

– Я оставила несколько женщин Клана на поляне недалеко отсюда. Я пошла вперед на разведку, чтобы понять, где мы находимся. Все из-за дыма! Из-за него непонятно, в какой стороне дом. Это прозвучит странно, но я благодарна Матери-Земле, что ты его спутница... – Изабель кивнула на Ри-

геля, стараясь не смотреть на молодого пса. – Он ведь знает дорогу домой?

– Ригель? Конечно. – Мари с трудом удержалась от того, чтобы хлопнуть себя по лбу. *Ну какая же ты дуручка! Даже Изабель знает, что Ригель с помощью нюха может вывести нас к дому. О чем ты думала? Давно надо было попросить его найти дорогу!* Она почти слышала, как мама просит ее быть к себе помягче – не тратить время на самоедство, а действовать. Мари подошла к Изабель. – Отведи меня к остальным женщинам, а потом Ригель покажет нам дорогу домой.

– Сюда. Я делала отметки на деревьях, чтобы не заблудиться.

Следя, чтобы между ней и Ригелем всегда шла Мари, Изабель зашагала рядом со Жрицей, указывая длинным осколком кремня на зарубки, которые она оставила на коре ближайшего дерева.

– Ты молодец. – Мари посмотрела на сероглазую девушку, которая нервно поглядывала то на тропу, то на Ригеля. – Тебе правда не нужно его бояться. Он не обидит, пока ты не попытаешься на меня напасть.

– Никогда! Ты особенная. Ты наша Жрица.

– Изабель, мы с тобой не так уж отличаемся. Мы обе сероглазые, а значит, обе несем в себе силу луны.

– Но ты можешь призывать луну, а я нет.

– Я в этом не уверена. Давай пока сосредоточимся на сходстве между нами, а не... ну... – Мари помолчала и миролю-

биво указала на Ригеля, – на очевидных различиях.

– Ты говоришь совсем как Леда, – заметила Изабель с робкой улыбкой.

– Это лучший комплимент, который ты могла мне сделать. Спасибо. Значит ли это, что ты согласна?

Улыбка Изабель стала шире.

– Никто в здравом уме не стал бы спорить с Ледой.

– Будем считать, это значит «да».

Меня приняла еще одна женщина Клана – сколько еще осталось?

Они шли молча, ориентируясь по засечкам, которые как будто светились в тусклом сером воздухе. Мари подождала, пока Изабель перестанет испуганно коситься на Ригеля и немного успокоится, и спросила:

– Сколько с тобой женщин?

– Двадцать. Это все, кого я смогла собрать. Я... не знаю, выбрались ли остальные из Канала. Течение было слишком сильное. А тут еще дым и весь этот хаос с Псобратьями... думаю, они потеряли направление и не смогли найти берег. Они утонули. Многие из них утонули. – Изабель замолчала, проглотив ком в горле, и вытерла глаза. – Я нашла тела. Слишком много тел. – На последнем слове у нее сорвался голос, и она всхлипнула.

– Богиня великая, нет! – Мари сжала губы, пытаясь справиться с накатившим на нее чувством вины. – Я об этом не подумала. Надо было действовать умнее. Я пыталась по-

мочь... – она осеклась, вытирая горькие слезы.

– Мари. – Изабель остановилась и коснулась ее руки. – Это не твоя вина. Правда.

Мари поморгала сквозь слезы вины и горечи.

– Я этого не хотела. Я думала, все будет иначе. Я вылечила племянника Сола от парши. Он сказал, я могу попросить в награду что угодно. Я сказала ему, что хочу омыть пленниц от ночной лихорадки. Я собиралась надавить на Сола и других Псобратьев, заставить их освободить вас всех в обмен на исцеление Племени от парши. Клянусь, я хотела это сделать.

Изабель взяла руку Мари в свои.

– Я в этом не сомневаюсь.

– Но все произошло так быстро! Никто, кроме Сола и Ника, не должен был знать, что я там. Я не понимаю, как Племя нас нашло. Они не стали нас слушать – даже своего Жреца Солнца! Мне надо было подождать. Не надо было никого исцелять, пока они не освободят всех Землеступов. Прости меня. Мне так жаль!

– Послушай меня, Мари. Ты поступила правильно. Ты омыла нас от лихорадки. Ты помогла даже тем, кто утонул, пытаясь сбежать. Сегодня мы – некоторые *впервые* за много зим – вспомнили, что такое счастье и надежда. Любая из нас согласилась бы, что смерть – невысокая цена за такой дар.

Мари кивнула и постаралась отрешиться от вины и сожаления, которые грозили захлестнуть ее с головой. У нее еще будет время разобраться со своими чувствами. Сейчас нуж-

но действовать.

– Давай соберем всех, кто остался от Клана, и отведем их наконец домой, – сказала Мари решительно.

Вместе девушки и овчарка добрались до небольшой поляны за пересохшим руслом, где обнаружили сбившихся в кучу мокрых и напуганных женщин Клана всех возрастов. При виде Мари они радостно закричали, но присутствие Ригеля быстро охладило их энтузиазм, и приветствия сменились тревожным шушуканьем и смущенными переглядываниями.

Мари расправила плечи, вскинула подбородок и, положив руку овчарке на голову, окинула поляну взглядом. Дождавшись, когда шум стихнет, она заговорила сильным, звонким голосом, не терпящим возражений:

– Его зовут Ригель. Да, это овчарка, и она моя. Как вы знаете, я дочь Леды. Но еще я дочь Псобрата. Ригель не причинит вам вреда. Я понимаю, что это тяжело, но если вы согласны принять меня, вам придется принять и его. Если вы можете это сделать, пойдите со мной. Он отведет нас домой. – Она глубоко вздохнула и добавила: – Если не можете... Если вы не в состоянии меня принять, мы с Ригелем все равно отведем вас домой. После этого вы сможете сами решить, в какой Клан податься, когда отдохнете и подготовитесь к путешествию. Я вам помогу. Я сделаю все, что смогу, но не стану скрывать то, кто я есть. Этого я больше никогда делать не стану.

Повисшее над поляной молчание длилось так долго, что в животе у Мари образовалась сосущая пустота. Наконец пожилая женщина, чье лицо показалось Мари смутно знакомым, встала.

– Где сейчас этот Псобрат, твой отец? – спросила она Мари.

– Он умер, когда я была еще ребенком.

– А дом, в который твоя собака нас поведет, – это нора Землеступов или Город Псобратьев, где нас ждет рабство?

– Дом – это земли Землеступов и наши норы, – сказала Мари, пытаясь сдержать негодование. – Я бы никогда не привела вас назад в рабство.

Старуха продолжала сверлить Мари взглядом, но она не позволила себе отвести глаза.

– Правду говорят, что Леда мертва?

– Да.

– И ты стала Жрицей Луны вместо нее?

– Да. И Зора тоже, – добавила Мари и услышала, как по поляне прокатился потрясенный вздох.

– Две Жрицы Луны в одном Клане? Это неслыханно, – сказала пожилая женщина.

– Прости меня, матушка. – Мари использовала традиционное обращение к взрослой женщине Клана. – Я помню твое лицо, но не имя.

– Я Серена. Я считала твою мать своей Жрицей Луны и подругой.

Мари кивнула и вспомнила, почему лицо Серены показалось ей знакомым.

– До того, как попасть в плен, ты была повитухой в родильной норе.

Серена кивнула.

– Верно.

Голос Мари потеплел.

– Тогда ты понимаешь, почему нам важно работать сообща. В родильной норе ты делала это каждый день. Вот и мы с Зорой решили работать вместе. Со смертью мамы многое изменилось. Изменился Клан. Настало время Жрицам Луны черпать силу не только в луне, но и друг в друге, – сказала Мари откровенно.

– Сложно поверить в твои слова, когда рядом это существо, – донеслось из толпы.

– Ригель всегда будет рядом. Придется вам к этому привыкнуть, – отрезала Мари.

– Псы – спутники наших врагов! – выкрикнула другая женщина.

– Она омыла нас! – голос Изабель прорезал поднявшийся ропот. – Этот пес уже тогда принадлежал ей. Он был с ней на причале. Что на вас нашло? Только благодаря Мари мы не сидим, страдая от ночной лихорадки, в своих плавучих клетках в ожидании смерти. Она призвала луну, а значит, она наша Жрица. Мы больше не рабыни. Мы идем домой! И за это тоже нужно благодарить Мари. А все остальное меня

не интересуется – и вас не должно.

Мари с благодарностью улыбнулась Изабель, сделала глубокий вдох и почувствовала, как к ней возвращается терпение.

– Я знаю, это тяжело. Некоторые из вас помнят меня как болезненную дочку Леды. Правда в том, что я никогда не была болезненной. Я просто была другой, и мама решила, что будет лучше, если об этом никто не узнает. Теперь мамы нет, и я больше не стану скрываться. Вы можете принять меня или отвергнуть – мне все равно. В любом случае, мы теряем время. Вы правда хотите остаться здесь и бродить по горящему лесу после захода солнца?

– Я не хочу, – твердо сказала Изабель. – Я хочу домой. Я пойду за Мари и Ригелем. – Она повернулась к Мари и почтительно поклонилась девушке. Затем она выпрямилась и оглядела толпу своими пронзительными серыми глазами. – Кто с нами?

Медленно, с недоверием и надеждой женщины начали подходить к Мари и кланяться ей. Последней стала Серена, которая, даже поклонившись, продолжала сверлить Мари и Ригеля настороженным взглядом.

Ник и Лару углубились в часть леса, где располагался Город-на-Деревьях. Они двигались быстро; Ник, не останавливаясь, направлял встречные группы раненых на юг, где они должны были догнать О'Брайена и Шену, найти ручей, служивший западной границей территории землерылов, и идти вдоль него до заброшенной Поляны собраний. Он не знал, что еще им сказать. Теперь, когда путь к Каналу был отрезан, он разрывался на части. Ему хотелось собрать раненых и лично проследить, чтобы они добрались до безопасного места, но разум победил. Что толку будет в спасении нескольких человек, если пламя охватит весь лес?

А если пожар не остановить, так оно и случится – возможно даже, что огонь перекинется на территорию Землеступов.

И Ник с Лару бежали вперед.

Поначалу Ник опасался, что кто-нибудь остановит его, начнет задавать вопросы. Но чудовищный пожар заслонил собой все. Те немногие, кто с ним заговаривал, скорее испытывали облегчение при виде Лару, сопровождающего его к сердцу пожара.

– Они думают, что мы бежим к отцу, и уверены, что он их спасет, – объяснил Ник Лару. Пес бежал рядом, огибая папоротники и перепрыгивая через поваленные деревья и канавы. Высокие величественные сосны изрыгали потерянных,

обезумевших от страха людей и собак – и все они ждали чуда от своего Жреца.

Они промчались мимо шестерки священных сосен. Под деревьями женщины Племена торопливо разбирали свертки, которые им в суматохе спускали сверху. Ник задрал голову, но уловил только смутное движение: его соплеменницы собирали драгоценные побеги священного папоротника, заворачивали их в пропитанные водой лоскуты ткани и укладывали на подносы, которые затем быстро опускали на землю.

– Ник! Лару!

Ник почувствовал, как Лару замер. Овчарка узнала женский голос – и Ник тоже. Это была Маэва, женщина его отца, а с ней Фортина, самая крупная самочка из последнего выводка Лару.

Я не могу рассказать ей об отце. Не здесь. Не сейчас.

– Маэва! – не останавливаясь, крикнул Ник через плечо, – иди на юг! Постарайся добраться до ручья на границе территории Землеступов.

– Нет, Ник! – закричала она в ответ. – Нам нужно к Каналу и Ферме. Там безопасно.

Ник нехотя остановился.

– Огонь распространился вдоль западного берега. Путь к Каналу отрезан.

– Тогда пойдем на восток. Я не понесу священный папоротник на территорию землерылов! – Она прищурилась. –

Пусть даже некоторые из них настроены дружелюбно.

Ник внимательно посмотрел на Маэву. Она встречала Мари. Она знала, что Мари вылечила О'Брайена. Возможно, она даже знала, что Мари вылечила Капитана Шены, и все же тон ее голоса и то, как она себя держала, свидетельствовали о том, что к *землерылам* у нее доверия нет.

– Делай, как считаешь нужным, – уклонился от ответа Ник.

Щенок Маэвы, Фортина, поприветствовала Лару, радостно фыркая и вылизывая отцу нос.

– Мы с Лару идем делать защитную полосу, – сказал Ник.

– Передай отцу, что я его люблю. И будьте осторожны! – крикнула Маэва им вслед.

Лару тоскливо взвыл.

– Знаю, знаю, но сейчас не время говорить ей об отце. Только представь, что с ней станет. А ведь она отвечает за священный папоротник. Что если она просто сдастся? Проклятье, Лару, она уже готова рискнуть жизнью и прорываться через горящий лес только потому, что отказывается приближаться к территории *землерылов*! – втолковывал Ник своему спутнику, пока они приближались к сердцу Племени. Разговор с Лару помогал Нику сосредоточиться и притуплял мучительную боль в ноге и спине и пустоту внутри, оставленную гибелью отца. В смертельной опасности и адреналине Ник черпал энергию – только они и заставляли его бежать, не отставая от Лару.

Вскоре воздух стал прохладнее и как будто чище, и Ник понял, что они приблизились к Барсучьему ручью. Тяжело дыша, он убавил шаг, и Лару затрусил рядом. Они поднялись на пологий холм и остановились, глядя на собравшихся внизу Псобратьев и их спутников. Судя по отсутствию овчарок, в основном это были Охотники. И люди, и псы остервенело копали вдоль берега со стороны города длинную, широкую канаву и выпалывали траву вдоль обоих берегов. Чуть в стороне Ник заметил несколько отрядов Воинов, которые торопливо валили подступающие к воде огромные сосны, чтобы не дать огню перебраться через ручей.

Но их план был бесполезен без полосы солнечного огня, который бы поглотил пламя и потушил его. Ник знал это. А по мрачным лицам и безнадежному молчанию понял, что знает и Племя.

Ник наклонился и заглянул в мудрые янтарные глаза своего спутника.

– Я не знаю, что сейчас будет. Возможно, они попытаются меня схватить. Если это случится... беги, Лару. Найди Ригеля и Мари. Я выберусь и вернусь к вам, но, что бы ни случилось со мной, берегите себя.

Лару внимательно слушал Ника. Когда тот договорил, пес демонстративно перевел взгляд на суесящихся внизу мужчин и женщин Племени. Он оскалился, обнажив великолепные клыки, и низко зарычал, излучая такое спокойствие и уверенность, что напомнил Нику о его отце, Жреце Солнца.

Ник мрачно улыбнулся спутнику.

– Понял, понял. Если они захотят добраться до меня, им придется иметь дело с тобой. Ну ладно. Тогда давай попробуем выжить вместе.

Ник окинул зорким взглядом группу вдалеке и отыскал, как он надеялся, Уилкса, Главу Воинов и человека, которого он всегда уважал. Он собрался с духом и вместе с Лару зашагал по склону к воде, стараясь выбирать самый прямой путь к Уилксу. Проходя мимо Охотников, часть которых участвовала в облаве на Ферме, Ник почувствовал на себе их взгляды. Вокруг нарастало шушуканье. Не глядя на соплеменников, он продолжал свой путь туда, где надеялся найти Уилкса и его спутника по имени Один.

– Не очень-то благоразумно приходить сюда, – заметил Дэвис, спутник отважного маленького Кэмерона, когда Ник проходил мимо.

– Может и так, но я должен был это сделать. У меня есть одна идея, как сделать защитную полосу, – мрачно ответил Ник другу.

– Хватит с нас твоих треклятых *идей*, предатель! – Тадеус отделился от группы мужчин, которые рубили одну из величественных сосен. – Охотники! Взять его! Свяжите ему руки. Разберемся с ним и его шлюхой-землерылихой позже.

Угрюмые, покрытые сажей Охотники повернулись к Нику, и Лару, прижавшись к нему спиной, вздыбился и свирепо зарычал.

– Куда ты нас ведешь? – спросила Изабель. Они с Мари шли за Ригелем, который ежеминутно вырывался вперед и тут же возвращался, нетерпеливо поскуливая и подгоняя отстающих женщин.

Именно об этом размышляла Мари, шагая через лес. Привести женщин в свою нору она не могла – и без того уже слишком многие знали, как найти ее дом. Если кто-нибудь проговорится, если хоть одна из этих женщин расскажет об этом кому-то из мужчин Клана, то на спокойную жизнь Мари, Ригелю, Зоре и даже Дженне с Данитой можно не надеяться. Не могла она также выяснить, какие из покинутых нор безопасны, а о каких известно обезумевшим от ночной лихорадки мужчинам, которые рыщут по лесу. Поэтому Мари решила отправиться к норе, которая свободно вмещала два десятка женщин и располагалась достаточно близко от ее собственного дома, чтобы они с Зорой не сбились с ног, таская туда и обратно медикаменты.

– Честно говоря, никуда, – сказала Мари. – Ригель ведет нас назад на территорию Клана. А оттуда мы должны до заката добраться до родильной норы.

– Родильная нора! Отлично придумано. В ней полно места, а еще есть кладовая с припасами и огород.

– Сейчас там все по-другому. С тех пор, как тебя взяли в

ПЛЕН, многое изменилось – и далеко не к лучшему, но пока мы не придумаем, как собрать Клан воедино, придется довольствоваться ею.

– Как бы там ни было, это хорошее место для начала. – Изабель помолчала, а потом выпалила на одном дыхании: – Мари, прости меня за дерзость, но не могла бы ты омыть нас сегодня еще раз? Я знаю, что третья ночь еще не наступила, но многие из нас так давно не видели живую Жрицу Луны, что это было бы просто замечательно.

– Почему бы и нет? Или это сделает Зора, пока я ухаживаю за ранеными. – Мари растерянно огляделась, когда непостоянный ветер снова сменил направление и серый дым завихрился вокруг них, как разумное существо.

– Прости меня. Я не хочу прибавлять тебе работы.

Мари замотала головой.

– Не извиняйся. Я не хотела отвлекаться, просто этот ветер такой странный – такой тревожный. Кто знает, в какую сторону идет этот жуткий огонь?

– Да какая разница? Главное, чтобы он не перекинулся на территорию Клана.

Мари сердито покосилась на Изабель. Та простодушно смотрела на нее своими оленьими глазами. *Ей все равно. Пусть хоть все Племя сгорит – ей все равно!* Внезапно Мари поняла, что всего несколько недель назад она подумала бы точно так же. Но теперь она знала Ника и Лару, Кристал и Капитана, Маэву, Фортину, милого весельчака О’Брайена.

Теперь они для меня реальные люди – реальные люди и псы, и представлять, как они гибнут в огне, невыносимо. Особенно Ник... Ник...

– Мари, прости меня. Я что-то не то сказала? – Изабель обеспокоенно поглядывала на нее.

– Я не уверена, что «не то» – подходящее выражение. Я понимаю, что ты думаешь о Племени. Они схватили тебя. Взяли в рабство. То, что они сделали, непростительно. Но я встречала некоторых членов Племени, и они вовсе не показались мне чудовищами – и тогда я поняла, что у нас с ними больше сходств, чем различий.

Изабель медленно кивнула. Она открыла рот, чтобы ответить, но ее прервал резкий голос Серены.

– Изабель! Клану нужно отдохнуть. Многие больше не могут идти.

Изабель и Мари обернулись и увидели, что Серена остановилась, а остальные женщины последовали ее примеру. Они были измучены и обессилены; несколько человек уже уселись на землю, опустив головы и пытаясь отдышаться.

– Серена, об отдыхе нужно спрашивать не меня. Наша Жрица – Мари, а не я, – сказала Изабель твердо и громко – так, чтобы ее услышали все.

Женщина нехотя перевела взгляд на Мари.

– При всем моем уважении, я не привыкла обращаться к Жрице Луны, к ногам которой ластится пес.

Мари собрала в кулак все свое терпение и растянула губы

в холодной улыбке.

– Я понимаю, Серена. И все же я здесь единственная Жрица Луны, и я не потерплю неуважения.

Серена помедлила, а затем склонила голову в подобии извинения.

– Прости меня, Жрица, но Клану нужно передохнуть.

– Значит, мы остановимся на отдых, – кивнула Мари. – Но ненадолго. Меня беспокоит то, как быстро меняется ветер. Огонь может повернуть в любую сторону. Нам нужно уйти от него как можно дальше. – Ригель заскулил и потерся плечом о ее ногу. Она опустила на корточки и погладила молодого пса по голове. – Я знаю, малыш. Но у них, в отличие от тебя, запас энергии не безграничен. Обещаю, мы отведем их домой, даже если мне самой придется кусать их за пятки.

Изабель подавила смешок, выдав его за кашель. Мари подняла на нее глаза. Эта девушка с каждой минутой нравилась ей все больше.

– Я просто представила, как ты кусаешь их за пятки. А Серена переживает, что ей приходится звать тебя Жрицей Луны. Ох, не знает она, что ее ждет, – шепнула она Мари.

Мари тихонько засмеялась, но тут Ригель застыл, не реагируя на ласку. В следующий миг подросший щенок развернулся и уставился им за спину, принюхиваясь к переменившемуся ветру. Уши и хвост у него стояли торчком, но он не рычал и вел себя довольно спокойно.

– Что такое? – Мари обернулась, вглядываясь в дым. Уз-

кая тропа, по которой они шли, сворачивала в сторону, так что ее видимость ограничивалась несколькими ярдами. Не успела она получить от Ригеля мысленный образ, как щенок завилял хвостом, а замыкающие отряд женщины Клана завизжали.

Из-за поворота выскочила крупная овчарка и, не обращая внимания на испуганных женщин, кинулась к Ригелю, радостно его приветствуя. Мари удивленно захлопала глазами, а пес тем временем поприветствовал и ее.

– Капитан! Что ты здесь делаешь? – Мари наклонилась, чтобы его погладить, и быстро проверила, не ранен ли он. – Где Шена? Она с тобой?

– Бежим! Псобратья пришли за нами! – Крик Серены подхватили другие женщины. Они вскочили на ноги и бросились в задымленный лес.

– Остановитесь! – закричала Мари и с удивлением увидела, как женщины и впрямь замешкались. – Я знаю этого пса и его спутницу. Не думаю, что они опасны.

– Ну разумеется! Я знала, что ты это скажешь! – выкрикнула Серена.

– Потому что это правда! – огрызнулась Мари. – Зачем мне лгать и подставлять свой Клан?

– Твой Клан? Разве ты не наполовину Псобрат?

– Замолчи, Серена! – Терпение Мари лопнуло. – Ты ничуть не лучше Псобратьев, которые отказываются верить, что мы не землярылы. Не все Псобратья плохие – как и не

все Землеступы хорошие.

– О Богиня! Псобратья! Бегите! Бегите! – раздалось вдруг несколько голосов.

Мари переключила внимание на тропу. Измазанный сажей О’Брайен вылетел из-за поворота и остановился в замешательстве, едва не врезавшись в женщин, которые бросились от него врассыпную. В следующий миг из леса показались Шена, еще три женщины и маленький черный терьер. Они остановились рядом с О’Брайеном, глядя на женщин Клана, которые метались вокруг в безотчетной панике.

– Пожалуйста, не надо! Все в порядке! Не нужно никуда бежать. Мы не причиним вам вреда! – О’Брайен пытался перекричать голосащих женщин. Потрепанные соплеменницы за его спиной словно приросли к земле и с разинутыми ртами смотрели на перепуганных Землеступов.

Мари прокашлялась и зашагала к женщинам и Псобратьям, призвав на помощь самый жесткий Ледин голос, который с легкостью перекрыл испуганные возгласы женщин и радостный лай собак.

– Женщины Клана, успокойтесь и подойдите ко мне. Ригель, сюда!

В ту же секунду воцарилось молчание; женщины сгрудились у нее за спиной, а щенок бросился к ней, насторожив уши.

Опаленное лицо О’Брайена расплылось в широкой улыбке.

– Мари! Я тебя нашел!

Он порывисто ее обнял.

– Мари? Что она делает среди землерылих? – спросила Шена, подходя к О’Брайену и подзывая к себе Капитана.

– О’Брайен, кто еще с тобой, кроме этих женщин? – спросила Мари без обиняков, игнорируя вопрос Шены.

– Никого. Вроде бы.

– «Вроде бы» – это не ответ. Скажи правду. Немедленно, – твердо сказала Мари.

Она не знала, что будет делать, если за О’Брайеном нагрянет целая толпа Псобратьев. Она исподтишка бросила взгляд на небо. Где-то за дымом и облаками скрывалось солнце. Она уже призывала однажды солнечный огонь. Наверняка она сумеет сделать это снова, чтобы защитить Клан.

На лбу О’Брайена залегла складка, которая, впрочем, через секунду разгладилась.

– О! Нет, Мари. Не беспокойся. Ни Воины, ни Охотники за мной не следили. Они заняты тем, что пытаются остановить распространение огня.

– А Ник? Где Ник?

– Он остался там, Мари. – Честное лицо О’Брайена было подобно открытой книге, и в животе у Мари все сжалось от дурного предчувствия.

– Там? Он ищет раненых? – Мари старалась не верить в то, о чем уже догадалась каким-то шестым чувством.

О’Брайен слегка покачал головой.

– Не совсем. Он отправился в самое сердце города, чтобы сделать защитную полосу.

Мари похолодела.

– Он в опасности, так?

– Да. Пожар очень сильный, а из-за того что ветер постоянно меняется, дела совсем плохи. Мари, Город-на-Деревьях почти разрушен. – Опаленное лицо О’Брайена сморщилось. – А когда он рассказал мне про Тадеуса и Сола... – Он осекся, нервно покосившись на Шену и остальных женщин, которые стояли за ним.

– Тадеус? А что с ним? – Одна из раненых женщин выступила вперед и остановилась рядом с О’Брайеном. За ней неотступно следовал маленький черный терьер. Мари потрясенно уставилась на нее, когда поняла, что за пазухой женщина прячет целую кучу щенков.

Мари открыла было рот, чтобы ответить, но О’Брайен торопливо прокашлялся и бросил на нее многозначительный взгляд. Мари едва заметно кивнула и сказала:

– Давайте найдем безопасное место, позаботимся о раненых и всех накормим – тогда и поговорим.

– Ник велел мне добраться до ручья. Ну, знаешь, где твоя мама... – О’Брайен неловко замолчал.

– Ты имеешь в виду Рачий ручей и нашу старую Поляну собраний, – закончила за него Мари.

– Да. Ник подумал, что там можно разбить лагерь. А еще он сказал, что там ты нас легко найдешь.

– Вы договорились встретиться там?

– Да. Если он выберется, – осторожно закончил О’Брайен.

– У меня есть идея получше. Но сначала нам нужно отвести всех к Поляне собраний.

– Ты позволишь им идти с нами? – Серена отделилась от группы женщин за спиной у Мари и смерила ее мрачным взглядом. – Псобратьям? Которые еще вчера держали нас в плену?

Мари повернулась так, чтобы видеть и Серену с женщинами, и Псобратьев, и призвала на помощь всю злость, которая клокотала в ней – клокотала большую часть ее жизни.

– Довольно. Серена, эти люди ранены и измучены. С ними щенки – совсем еще малыши. *Они для нас не опасны.* Я ваша Жрица и целительница. Я позабочусь о них так же, как заботилась о Нике, когда нашла его раненым, и именно потому, что я решила помочь ему, а не бросила умирать, вы сейчас свободны. Если вы не в состоянии с этим примириться, если вы не можете отпустить свою ненависть к Псобратьям – тогда возвращайтесь в свои норы и ищите себе новый Клан. – Мари перевела взгляд с Серены и женщин Клана на О’Брайена. – А если кто-то из Псобратьев все еще считает, что нас можно называть землерылами и держать в плену, пусть уходит сейчас. Мы не будем вас преследовать. Мы не причиним вам вреда. Но и помогать вам мы не станем.

– Я обязан тебе жизнью, Мари. И Ник тоже. Я с тобой, – сказал О’Брайен.

– Мы с Капитаном тоже обязаны тебе жизнью, – отозвалась Шена. – Я не совсем понимаю, что происходит и кто ты такая, но ты спасла меня и моего пса. А потому я тебе верю.

– Спасибо вам, О’Брайен и Шена, – сказала Мари и просительно посмотрела на женщину с терьером.

– Меня зовут Роза. Это моя спутница, Фала, и ее щенки. Мари, мы с тобой не знакомы, но я знаю Ника, Шену и О’Брайена. Если они тебе доверяют, то и я тоже.

Две девушки, которые, судя по их виду, пострадали больше других, уже успели сесть, привалившись спинами к замшелому стволу. Старшая девушка, левая половина тела которой была покрыта болезненными на вид ожогами, сказала:

– Я Лидия, а это моя сестра, Сара. Если ты нам поможешь, мы тебе доверимся.

Мари улыбнулась.

– Спасибо. Я постараюсь обработать твои ожоги и осмотреть лодыжку твоей сестры как можно скорее. – Она снова повернулась к женщинам Клана. – Что скажут остальные?

Из середины толпы заговорила Изабель.

– Ты моя Жрица. Я всегда буду верить тебе и делать так, как ты скажешь.

Несколько женщин согласно закивали. Мари посмотрела на Серену.

– Ты слышала, что сказали Псобратья. Они бегут от страшной трагедии. Они потеряли дом и родных. Неважно, что сделали или сделают другие Псобратья: эти пятеро не

желают нам зла.

– Сейчас – разумеется. Сейчас они нуждаются в нашей помощи. Но что будет, когда мы им поможем?

– Я не знаю, что будет, но доверие должно с чего-то начинаться, и я говорю, что оно начнется здесь и сейчас, – твердо сказала Мари и продолжила уже мягче: – Но мне знакома неспособность доверять. Я жила так всю жизнь – и поэтому отказываюсь жить так дальше. Однако каждой из нас придется сделать этот выбор, и если вы предпочтете жить по-старому и не принимать перемен, я желаю вам доброго пути и мирной жизни на новом месте.

– Так или иначе, если мы их примем, я лишусь родного дома, – сказала Серена.

Мари покачала головой.

– Нет, Серена. Не обязательно. Ты можешь обрести новый дом – лучше того, что у тебя когда-либо был.

– Я не хочу «лучше». Я хочу мой старый дом – *наш* старый дом. Твоя мать никогда бы не позволила этому случиться.

– Любовью всей ее жизни был Псобрат, – тускло сказала Мари. – Ты и представить не можешь, какой она была на самом деле – чего она на самом деле хотела. Леда была бы счастлива, если бы Клан и Псобратья жили мирно.

– Ты говоришь о какой-то другой Леде. Я знала лишь ту, что была моей Жрицей и посвятила жизнь заботе о своем народе. *Та* Леда и близко не подпустила бы Псобратьев к Клану. Нет. Я не могу доверять этим людям, – Серена яростно

ткнула пальцем в Псобратьев. – Я никогда не смогу им доверять. Они делали из нас рабов! Убивали наших мужчин! Из поколения в поколение смотрели, как мы умираем в плену! Они уже доказали, что им нельзя доверять. Прощай, Мари. Твоя мать стыдилась бы.

Не говоря больше ни слова, Серена свернула с тропы и растворилась в затянутом дымом лесу. Три женщины тихо последовали за ней. Все трое избегали взгляда Мари.

Мари отрешилась от боли, вызванной словами Серены, и внимательно оглядела оставшихся женщин Клана.

– Кто-нибудь еще?

– Мы твой Клан, Жрица Луны, – Изабель церемонно поклонилась ей, опустив руки и раскрыв ладони. – Мы пойдем за тобой.

Остальные женщины повторили ее движения, почтительно кланяясь Мари.

– Хорошо. Поляна собраний должна быть недалеко, а с нее начинается территория Клана.

Мари повернулась к Ригелю, мысленно рисуя ручей и знакомую Поляну собраний. Оттуда они быстро доберутся до родильной норы. Она наклонилась к своему спутнику и, взяв его мохнатую морду в ладони, нежно поцеловала в нос. Затем она сосредоточилась, отправляя овчарке мысленный образ, и скомандовала:

– Иди, Ригель! Веди нас туда!

Ригель с радостным лаем сорвался с места и устремился

по узкой звериной тропе, которой они держались с тех пор, как перешли последний ручей. На повороте он остановился, оглядываясь на наблюдающих за ним Псобратьев и Землеступов, и громко гавкнул снова. Шена тихо вздохнула.

– Я уже и забыла, сколько энергии у молодых псов, – сказала она и, потрепав Капитана по голове, кивнула своему псу: – Иди вперед с Ригелем.

Капитан залаял, как щенок, и припустил за молодой овчаркой.

– Внимание! Мы пойдем этой дорогой. Скоро вы будете в безопасности и сможете устроиться на ночлег, – сказала Мари, жестом призывая женщин Клана последовать за Ригелем и Капитаном. – Изабель, ты не могла бы пойти вперед и проследить, чтобы группа не отстала от Ригеля? Мне нужно поговорить с О’Брайеном.

– Конечно, Мари, – кивнула Изабель и побежала за щенком.

Псобратья последовали за Ригелем еще медленнее, чем женщины Клана, держась от Землеступов на расстоянии по крайней мере в несколько ярдов. Мари подошла к двум раненым девушкам и помогла им подняться на ноги.

– Ты... ты не похожа на землерылиху, – сказала Сара, младшая из сестер, тяжело опираясь на Лидию так, словно у нее была сломана лодыжка.

– Ты ведь Сара, верно? Могу я осмотреть твою лодыжку?

– Да, я Сара. Ты правда целительница?

– Да. И мы не называем себя землерылами. Мы Землесту-
пы.

– Мари отличная целительница, – вставил О’Брайен. –
Она вылечила меня от парши.

Сара обменялась с сестрой потрясенными взглядами, а
потом сказала:

– Хорошо, ты можешь меня осмотреть.

Мари быстро ощупала лодыжку Сары и решила, что это не
перелом, но очень серьезное и неприятное растяжение. Не
задумываясь, она начала отрывать от подола полоски ткани.
О’Брайен наблюдал за каждым ее движением.

– О’Брайен, ты знаешь, как выглядит мокричник?

– Нет. Прости, Мари, я больше по следам, чем по расте-
ниям.

– Я знаю, как выглядит мокричник. Я провела какое-то
время на Ферме, – откликнулась Шена.

Мари подняла голову и благодарно кивнула.

– За поворотом, чуть в стороне от тропы, я видела боль-
шой куст. Можешь надергать для меня несколько веточек?

– Будет сделано! – Шена быстро зашагала назад по тропе.

Аккуратно забинтовав опухшую лодыжку Сары, Мари об-
ратилась к Лидии:

– Вижу, ты пропитала ткань водой и прикрыла ожоги. Это
правильно, но тебе, должно быть, все еще очень больно?

Лидия, крепко сжав губы, кивнула.

– Сейчас я сделаю все, что смогу, но обещаю – как только

мы окажемся в норе, я дам тебе средство, которое утолит боль.

– Ты не похожа на других землерылов... то есть Землеступов, которых я знала, – заметила Лидия.

– А ты уверена, что действительно знала хоть одного Землеступа? – Мари постаралась приглушить язвительность, но девушка все равно отвернулась и покачала головой.

– Нет. Я была на Ферме всего пару раз, с матерью. – Лидия снова сжала губы и часто заморгала, пытаясь сдержать слезы.

– Она погибла. – Голос Сары дрожал. Она даже не пыталась вытирать струившиеся по щекам слезы. – И отец тоже, и их овчарки. Они... они заставили нас первыми покинуть гнездо. Они должны были спуститься сразу за нами. Все произошло так быстро. Только что они кричали, чтобы мы бежали. А в следующую секунду дерево запылало, и... – она замолчала, не в силах продолжать.

– Мне очень жаль. – Мари перевела взгляд с Сары на Лидию. – Не так давно я потеряла мать. Это ужасно, правда?

– Да, – Лидия всхлипнула. – Ужасно.

Обе девушки – почти девочки, вдруг поняла Мари, когда пригляделась к ним через сажу, грязь, пот и раны и увидела, насколько они молоды: пожалуй, ровесницы Дженны – обнялись и склонили друг к другу головы. Мари отошла, чтобы дать им побыть наедине со своим горем.

– Мари, у Розы сильно обожжена спина, – негромко сказал О’Брайен.

Мари направилась к хрупкой светловолосой женщине, сидевшей посреди тропы рядом со своим терьером. Щенки во- зились у матери под боком в поисках молока.

– Роза, позволь мне осмотреть твою спину. Я хочу убе- диться, что ты можешь идти.

Роза пожала плечами.

– Конечно. Я могу идти. У меня нет выбора.

Мари обошла женщину и, осторожно задрав изорванную рубашку, хмуро уставилась на волдыри, которые уже начали сочиться сукровицей.

– Вот! Собрала все, что было! – Шена подошла к Мари и вручила ей пучок нежных белых цветов.

– Спасибо, Шена. Ты не могла бы позвать Капитана? Он поможет нам не отстать от тех, кто идет за Ригелем.

Шена кивнула, сложила ладони вместе и коротко свистну- ла. Мари поспешила к Саре и передала ей половину пучка мокричника.

– Разжуй их хорошенько. Потом выплюни кашицу в руки и осторожно вотри в самые крупные ожоги Лидии, а я пока позабочусь о Розе. Как закончим, догоним остальных.

– Серьезно? Ты хочешь, чтобы я разжевала эту траву и выплюнула ее на Лидию?

– Вроде того. Выплювай в руки, а уж потом накладывай на ожоги. Если проглотишь кашицу, ничего страшного. Она поможет твоей лодыжке быстрее прийти в норму. – Мари направилась к Розе, на ходу засовывая в рот горсть горьких

цветов.

– Я помогу. – О’Брайен протянул руку.

– Как твоя нога? – поинтересовалась Мари с набитым ртом, передавая ему несколько веточек.

– До следующего привала дотяну. Ты отлично меня подлатала. – Он широко улыбнулся, набил рот мокричником и принялся жевать и выплевывать кашицу вместе с Мари.

Вскоре с обработкой ран было покончено. И хотя Мари не слишком нравился вид раненых женщин, спустя несколько минут они уже ковыляли за Шеной и Капитаном чуть в стороне от женщин Клана. Мари покосилась на О’Брайена. Он нес половину щенков терьерихи; остальных несла Шена. Оба старались держаться поближе к Розе, которая была слишком слаба и брела вперед, опираясь на Шену. Мари покашляла, привлекая внимание О’Брайена, послала ему многозначительный взгляд и сказала:

– Шена, ты не могла бы ненадолго взять у О’Брайена щенков? Хочу осмотреть его рану: не нравится мне, как он хромает.

– Конечно, – отозвалась Шена и забрала у О’Брайена копошащихся щенков. – Может, нам всем стоит немного передохнуть?

– Нет, – быстро сказала Мари. – Мы почти на территории Землеступов, но должны добраться до норы перед наступлением ночи. Идите вперед. Мы задержимся на минуту и скоро вас догоним.

Жестом она предложила О'Брайену присесть на ближайшее бревно. Первым делом она осмотрела его ожоги.

– Держи. – Она протянула ему остатки мокричника. – Разжуй и вотри в руки и лицо. Ожоги у тебя не опасные, но, судя по виду, болезненные.

– Это точно. Спасибо.

О'Брайен быстро разжевал веточки, выплюнул зеленую массу на руки и с облегченным вздохом начал втирать ее в кожу.

Мари склонилась над его ногой. Рана выглядела неприятно, да и повязку стоило сменить, но никаких признаков заражения или парши она не обнаружила. Когда Псобратья отошли подальше, она торопливо, негромко спросила:

– Ты знаешь про Сола и Тадеуса?

– Да. Но знаем только мы с Шеной. Ник не говорил Розе о смерти Сола. Она бы не вынесла – никто из них бы не вынес. Узнать, что твой Жрец Солнца погиб от руки соплеменника, само по себе ужасно, но, что еще хуже, только Сол мог призвать солнечный огонь и создать защитную полосу.

– Насколько все плохо, О'Брайен?

– Хуже и представить трудно. Без полосы пожар уничтожит весь город, а с ним и Племя, и большую часть леса – а может, и весь лес, – хмуро признал О'Брайен.

– Тогда почему Ник не пошел с тобой?

– Он сын своего отца, Мари. Он попытается сделать полосу... – О'Брайен замолчал и послал Мари безнадежный

взгляд.

– Даже ценой своей жизни?

Он кивнул.

От мысли, что она может потерять Ника, в желудке Мари образовалась сосущая пустота.

– Я его найду. Я не могу его потерять.

Она не понимала, что сказала это вслух, пока О’Брайен не сжал ей плечо.

– Ник просил передать, что ему очень жаль – что он хотел бы, чтобы все закончилось иначе.

– Все и закончится иначе. Я видела, как умирает моя мать. Я видела, как умер его отец. Я не стану стоять и смотреть, как умирает Ник. – Мари встала и протянула О’Брайену руку, помогая ему подняться.

– Его здесь нет. Ни мне, ни тебе не придется смотреть, как он умирает, – грустно сказал О’Брайен.

Мари встретилась с ним взглядом.

– О, смотреть-то я буду. Но умереть я ему не позволю. Это я тебе обещаю.

5

Мари знала, что ей нужно сделать. Она не вполне понимала, *как*, но она должна была спасти Ника – а если это означало спасти Племя и Город-на-Деревьях, значит, ей просто нужно было спасти и их.

Она обогнала медленно бредущих Псобратьев и усталых Землеступов и отыскала в голове колонны Изабель и Ригеля недалеко от нее. Щенок поприветствовал Мари отрывистым лаем и подскочил к ней за коротким объятием, а потом вернулся на свое место и затрусил рядом с Изабель.

– Ты молодец, Изабель. Спасибо, что не испугалась Ригеля.

Изабель отважно улыбнулась.

– Не могу сказать, что он меня не пугает, но я постепенно к нему привыкаю.

– Его не нужно бояться. Даю слово, он безобиден. – Мари немного ускорила шаг. – Нам нужно идти быстрее. Из-за дыма сложно определить время, но что-то мне подсказывает, что мы идем почти целый день.

– А мне что-то подсказывает, что мы идем почти целый год, – простонала Изабель.

– Я тебя понимаю. Изабель, когда мы доберемся до Поляны собраний, я помогу всем разместиться и оставлю тебя за главную, а сама побегу за Зорой.

«А когда я расскажу Зоре, что происходит, и она отправится на помощь, я пойду спасать Ника», – пообещала она себе.

Ригель отрывисто гавкнул и свернул к знакомой вишневой рощице.

– А вот и Поляна собраний, – радостно сказала Мари и обратилась ко всем: – Поляна прямо за этой рощей. Там вы сможете отдохнуть, пока я...

Ригель приветственно залаял, отчего разом растерял вид свирепой взрослой овчарки и стал похож на несмышленного щенка, и помчался галопом мимо цветущих вишен. Мари потеряла его из виду, но тут до нее донесся удивленный визг, сопровождаемый истерическим хихиканьем.

– Что...

Она заспешила вперед – остальные, напротив, попятились – и обнаружила Зору, которая сидела на земле и, хихикая, вяло отбивалась от Ригеля, радостно вылизывающего ей лицо.

– Мари! – выдохнула она, одной рукой утирая лицо от собачьих слюней, а другой крепче обнимая щенка за шею. – Богиня великая, как же я рада тебя видеть. Я так беспокоилась! Сказала Дженне и Даните оставаться на месте, а сама пошла тебя искать. Но этот дым, Мари! Что происходит в Племени и...

Зора замолчала и уставилась на Изабель, вынырнувшую из дыма.

– Изабель? Это правда ты?

– Она самая, – улыбнулась девушка. – И не только я.

Изабель шагнула в сторону, открывая ее взгляду выстроившихся неровной линией женщин Клана.

Зора вскочила и бросилась к Землеступам, обращаясь к ним по именам, касаясь их, успокаивая. Мари, светясь от гордости за подругу и ученицу, внимательно наблюдала за ней. *У нее определенно есть задатки великолепной Жрицы Луны.* Она захватила с собой большой мех с водой и теперь, пустив его по кругу, вынимала из сумки баночки с целительной мазью. Мари почувствовала, как страшное напряжение в груди начало ослабевать.

Тут на поляну вышел маленький отряд Псобратьев, и суета тут же прекратилась.

Мари приблизилась к Зоре.

– Зора, это О’Брайен, кузен Ника.

Зора посмотрела на О’Брайена с выражением, которое Мари истолковать не удалось. Затем она медленно склонила голову.

– Здравствуй, О’Брайен. Ник хорошо о тебе отзывался.

– И о тебе, Зора. – О’Брайен неуверенно улыбнулся.

– Вот как? Он не говорил, что я предлагала бросить его на произвол судьбы?

Улыбка О’Брайена стала смелее.

– Ну конечно, говорил. Но еще он сказал, что ты передумала.

Зора фыркнула.

– Я не передумала. Это Ник заставил меня изменить решение. – Она перевела взгляд с О’Брайена на Псобратьев у него за спиной. – Кто твои друзья?

О’Брайен с явным облегчением представил ей женщин, после чего Зора оценивающим взглядом посмотрела на Мари.

– Так что мы будем с ними делать, Жрица?

– Не мы. Ты. Я надеюсь, ты захватила гель из алоэ от ожогов?

Зора кивнула.

– Конечно. А еще велела Даните и Дженне собрать как можно больше алоэ и приготовить из него гель и мази. Я подумала, что они тебе понадобятся.

– Все правильно, – кивнула Мари. – Собрать побольше алоэ – отличная идея.

– Спасибо. – Зора усмехнулась. – Что дальше?

– Обработай гелем раны Псобратьев. Лидия и Роза пострадали больше всех. Только не трать на это слишком много времени. Сейчас главное – добраться до надежного укрытия.

– И где ты его найдешь? Сколько их тут – человек двадцать пять? И добрая половина ранена.

Пока Зора говорила, Мари взяла ее под локоть и потянула в сторону, подальше от посторонних ушей. Зора последовала за ней, продолжая изучать выживших, большинство из которых устало опустились на землю.

Когда они отошли достаточно далеко, Зора закашлялась. Кашель был мокрый, хриплый и не сулил ничего хорошего. Она отвернулась, пытаясь справиться с приступом, но Мари видела, как содрогаются ее плечи.

– Ну чего? – Зора вытерла рот и уставилась на Мари.

– Ты больна, – мягко сказала Мари. Она потянулась к Зоре, чтобы ее осмотреть, но Жрица Луны отступила, замотав головой.

– Нет-нет. Я в порядке.

– Ты больна, – повторила Мари. – Кожа бледная, щеки горят. У тебя лихорадка?

– Мари! – Зора схватила ее за запястье и оттащила Мари еще дальше. – Я в порядке. По крайней мере, насколько можно быть в порядке после того, как на меня напали, а потом покусали и едва не изнасиловали люди, которых я с детства считала друзьями и не только.

– От такого не заболевают, – Мари покачала головой.

– Неужели? Вот уж не согласна. И потом, я читала дневник твоей мамы. Думаю, она бы тоже не согласилась. Мой иммунитет *определенно* был подорван. Вот почему я себя отвратительно чувствую. Но сейчас я, увы, не могу позволить себе залечь на неделю в норе, попивая чай и гоняя твое чудище за всякими вещами.

– Ты хочешь, чтобы Ригель носил тебе вещи? Ты точно не бредишь?

Зора нахмурилась.

– Между прочим, он умеет делать самые невозможные штуки. Он, можно сказать, мысли читает. Вот я и подумала: раз уж я все равно больна, он мог бы носить мне разные вещи. Я пока не придумала, какие, но когда все закончится и у меня появится возможность отдохнуть, я собираюсь воспользоваться ею сполна и свалить все свои обязанности на него. Ты постоянно говоришь, какой он умный – так вот, я с тобой согласна. Наконец-то. – Зора наклонилась и потрепала Ригеля по голове. Он улыбнулся по-собачьи и облизал ей руку. Зора скривилась. – Одного не могу понять: почему он такой слюнявый?

– Он же овчарка. А значит, от слюней и шерсти никуда не денешься. – Мари с улыбкой посмотрела на Ригеля. – Ну ладно. Так и быть. Я сделаю вид, что ты здорова, если ты хорошенько изучишь записи мамы о том, что следует делать Жрице Луны, когда она болеет.

Зора вздохнула.

– Я уже все прочла и собираюсь следовать ее указаниям. Буду мыть руки. Как можно чаще. А если кашель усилится, повяжу на лицо маску, чтобы никого не заразить.

– И будешь заботиться о себе так же, как заботаешься о своих пациентах.

– Да, да, когда у меня появится время. Так вот, возвращаясь к нашим беженцам. Сколько их тут? Человек двадцать пять?

Мари кивнула. Зора говорила правду: у них действительно-

но не было времени на постельный режим из-за несвоевременной простуды.

– Примерно. Я хочу, чтобы ты отвела их к родильной норе. Помоги им обустроиться. Обработай раны. Накорми их. Изабель тебе поможет – и Дженна, если она сможет оставить Даниту одну, – сказала Мари. – Вообще говоря, Даните будет полезно отвлечься на чужие нужды, так что захвати и ее тоже.

Зора задумчиво пожевала губу и медленно кивнула, после чего откинула с влажного лба волосы и согнулась в очередном приступе кашля.

– Звучит неплохо. По крайней мере, в родильной норе хватит места для всех, а если женщины мне помогут, то мы сможем починить дверь и забаррикадироваться на ночь. – Тут она нахмурилась, словно суть слов Мари дошла до нее только сейчас. – Минуточку. Пока я всем этим занимаюсь, что будешь делать ты?

– Спасать Ника.

* * *

Мари бежала. Она запретила себе думать о тревогах Зоры, о страхах Клана, о беженцах-Псобратьях, которых она оставила на попечение незнакомцев и врагов. Она думала только о том, чтобы не отстать от Ригеля. И о Нике.

Я не дам ему умереть. Я не дам ему умереть. Я не дам ему

умереть. Слова стучали у нее в голове, пока она взбиралась по склонам, карабкалась по камням и огибала упавшие деревья. Только один раз она остановилась у ручья и, подозревая Ригеля, затащила его в воду, тщательно пропитав влагой его густую шерсть и хорошенько намочив собственную одежду. Потом она заглянула в мудрые глаза своего спутника.

– Ригель, ищи Ника! – повторила она команду, которую дала, когда они покинули территорию Землеступов.

Овчарка выбралась из воды и кинулась к плотной серой завесе. Мари оторвала от рукава своей изодранной туники кусок ткани, обвязала его вокруг носа и рта и поспешила за псом, мысленно приказывая ему избегать людей – всех до единого, кроме Ника.

Она знала, что Ригель ее понял. Она не сомневалась в нем и не задумывалась о том, куда он ее ведет, а просто петляла вокруг деревьев и кустов, время от времени резко останавливаясь, чтобы не попасться на глаза очередной группе раненых.

Чем ближе она подбиралась к горящему Городу-на-Деревьях, тем сюрреалистичнее становился день – если то, что происходило вокруг, можно было назвать днем. Дым окутал весь мир и полностью заволок солнце; от его едкого запаха у Мари слезились глаза, щипало в носу и першило в горле. Интересно, подумала она, сумеет ли она когда-нибудь смыть его с волос, с кожи, изо рта. Ветер гудел, не стихая, трепал деревья, менял направление так, словно никак не мог опре-

делиться, и нес с собой чарующий аромат далекой грозы.

Избегать Псобратьев оказалось проще, чем она думала. Люди, которые брели ей навстречу через задымленную мглу, двигались так, словно у них не осталось энергии ни на что, кроме как переставлять дрожащие ноги.

Мари было их жаль. Большая ее часть – та, что принадлежала ее матери и Клану – стремилась исполнить долг целительницы, собрать раненых вместе и позаботиться об их страшных ранах. Но она не могла. Ей нужно было идти вперед. Ей нужно было найти Ника.

Никто не обращал на нее внимания. Из-за прикрытого тряпкой лица и спутника-овчарки ее принимали за одну из Племени, а потому она беспрепятственно приближалась к самому сердцу Города-на-Деревьях и ненасытному лесному пожару.

Ригель вывел ее к широкому чистому ручью, в который они с облегчением вбежали, чтобы глотнуть холодной воды. На этот раз Мари не пришлось уговаривать щенка окунуться. Он сам плюхнулся в ручей, жадно глотая воду. Мари быстро умылась, смочила водой волосы и одежду и поправила повязку на лице. Когда она закончила, Ригель поднялся на ноги, но на берег выбираться не стал. Вдвоем они побрели по воде, приближаясь к центру Племени.

Она услышала и ощутила пламя еще до того, как увидела его. Огонь ревел по-звериному, как живое существо, пожирающее древние сосны и Город-на-Деревьях, и чем бли-

же они подходили к городу, тем сильнее ощущался исходящий от него невыносимый жар. Пот, смешанный с сажей и водой, струился по телу Мари. Когда они с Ригелем добрались до плавного поворота ручья, овчарка остановилась и, неожиданно попятившись, тихо зарычала.

Мари тут же выбралась из воды. Она двигалась медленно и осторожно, пробираясь вперед дюйм за дюймом и прислушиваясь к сердитым голосам, которые доносились до нее сквозь дым, подобно разгневанным духам. Спрятавшись за толстой гигантской сосной, она выглянула, пытаясь понять, что именно происходит в нескольких ярдах впереди. Она протерла глаза рукавом, чтобы лучше видеть, и внутри у нее все перевернулось.

На дальнем конце бурного ручья стоял, прижимаясь спиной к недавно поваленной сосне, Ник. Лару стоял рядом, обнажив клыки на окружающих их людей. Даже сквозь крики людей и рев бушующего совсем близко огня до нее доносилось низкое предупреждающее рычание, адресованное мрачным Псобратьям под предводительством Тадеуса, на лице которого застыла недобрая ухмылка.

Мари обвела людей взглядом, пытаясь понять, что они собираются делать. Тадеус раздувался от ярости. Знакомые Мари Псобратья, видимо, были Охотниками, потом что у каждого из них был терьер, и все они, явно смущенные, толпились у Тадеуса за спиной. Мари узнала Псобрата, которого Ник называл Дэвисом. На ее глазах он и его маленький

пшеничный терьер отделились от отряда Тадеуса и скрылись в дыму.

Были там и другие Псобратья – мужчины и женщины без псов, которые с мрачной решимостью валили деревья и расчищали заросли, исподтишка поглядывая на окружающую Ника толпу.

– Я велел схватить этого проклятого предателя! – Пышущий ненавистью голос Тадеуса разносился далеко над водой. – Этот пожар устроили он и его шлюха-землерылиха!

Слова Тадеуса обрушились на Мари, как удар в живот, но она не упала на колени, а впустила его гнев и позволила ему расти внутри себя.

Ее отца убила ненависть таких, как Тадеус.

Ее мать и отца Ника убил сам Тадеус и его слепой фанатизм.

Мари не позволит этому яду уничтожить еще и Ника.

На секунду она пожалела, что не взяла с собой пращу и корзинку камней. Она даже пошарила вокруг себя и подобрала идеально круглый булыжник, который легко лег ей в ладонь. Мари сжала его покрепче, хотя и понимала, что ни камень, ни праща не помогут ей вытащить Ника из передраги. Ей нужна была настоящая сила – прямо сейчас.

Мари опустила взгляд на Ригеля. Молодой пес взглянул на нее в ответ. Мысленно она послала ему одну-единственную цель, облеченную в простую изящную форму, подобную раскрывающемуся бутону: *мы спасаем Ника.*

А потом Мари вышла из своего укрытия и зашагала вперед, чувствуя рядом мощное плечо Ригеля.

Псы заметили Ригеля раньше, чем их спутники. Терьеры задрали носы в дымный воздух и повернули головы к щенку. Мари скорее почувствовала, чем увидела, как вредный терьер Тадеуса переключил внимание на них с Ригелем и предостерегающе заворчал – на удивление злобно для такого маленького создания.

– Это она! Землерыльская шлюха!

Ник вскинул голову, и Мари увидела, как изумленно распахиваются его глаза при виде подруги.

Толпа вслед за Тадеусом переключилась на Мари.

– Взять ее! – рявкнул Тадеус.

Пара Охотников шагнула к ней.

Реакция Ригеля была мгновенной. Задрал уши и хвост, он закрыл Мари от приближающихся мужчинам. Густой черный мех на шее и спине вздыбился; он оскалил зубы и плотнее прижался к Мари. Из крепкой широкой груди вырвался рык – совсем как у Лару.

– Это всего лишь щенок! Прогоните его и хватайте девочку! – закричал Тадеус, брызжа слюной.

Мари не отступила. Она не удостоила Тадеуса даже взглядом. Она кинулась к Нику. Ригель помчался за ней, и его рычание перешло в резкий, не по возрасту грозный лай. Терьеры, стоявшие между Мари и Ником, бросились врассыпную, прижав уши, поджав хвосты и признавая его превосходство,

и через несколько мгновений она уже стояла рядом с Ником. Он распахнул объятия, и она бросилась ему на шею, позволив себе на короткий миг почувствовать себя под защитой, наслаждаясь его силой и заботливостью.

– Я же говорил: это его землерыльская шлюха, – сказал Тадеус.

Мари развернулась и встала плечом к плечу с Ником. Лару и Ригель застыли перед ними, оскалившись на Охотников.

– Он начинает повторяться, – заметила Мари так буднично, словно они вовсе не стояли перед толпой недовольных Псобратьев и их псов.

– Да, Тадеус никогда не отличался красноречием.

– Довольно разговоров! Взять эту суку и ее любовника-предателя! – закричал Тадеус.

– Остановитесь!

На поляну выбежали рослый мужчина и темная овчарка, а за ними – юный Дэвис, его пшеничный терьер и еще несколько высоких Псобратьев со взрослыми овчарками. Они выглядели устало, были покрыты потом и сажей и надсадно кашляли во влажные тряпки, которыми обмотали лица и шеи. Но голос высокого мужчины был тверд и полон сил.

– Тадеус, ты не можешь приказать арестовать Николаса и эту женщину. У тебя нет такой власти.

– Уилкс, ты спятил? – завопил красный от гнева Тадеус на Воина. – Ты же был у Канала, когда эта дрянь выпустила землерылих и все подожгла!

Когда Уилкс, чеканя слова, заговорил, Мари могла поклясться, что заметила отвращение на его лице, обращенном к Тадеусу.

– Я там был, но дело было не совсем так, как ты говоришь. Кроме того, остается еще смерть нашего Жреца Солнца – и эта смерть на твоей совести, Тадеус. Пожар – единственная причина, почему до сих пор не арестован *ты*.

Мари следила за лицами Псобратьев, на которых отражалась целая буря эмоций от потрясения и горя до гнева. Уилкс сделал шаг в их сторону, словно хотел поговорить с Ником лично. Лару и Ригель отреагировали мгновенно и насторожились с одинаковым предостерегающим рычанием.

Реакция крупного черного пса Уилкса была такой же быстрой, а вместе с ним отреагировали все псы на поляне – и овчарки, и терьеры. Они прижали уши и хвосты, опустили головы и отказались подходить ближе. Похоже, позиция Лару, альфы Племени, была сильна, как прежде.

– Я вижу, Лару выбрал тебя в спутники, Николас. Это правда? – спросил Уилкс.

– Да, – подтвердил Ник. – Лару решил жить со мной, а не умереть с отцом. – Ник с трепетом опустил руку на голову спутника и погладил его. – За это я буду благодарен ему до самой смерти – а может, и после.

Лару завил хвостом, продолжая пристально наблюдать за толпой своими янтарными глазами.

Уилкс внимательно посмотрел на своего спутника, и Ма-

ри почти почувствовала между ними связь. Затем высокий Охотник кивнул – и себе, и своей овчарке.

– Наши спутники приняли решение. Они, как и прежде, признают Лару своим вожаком. По традиции, выбор остается за нашими спутниками, и изменить его нельзя. Я предлагаю работать вместе и остановить пожар, а когда Племя будет в безопасности, мы соберем Совет и позволим людям решать, куда двигаться дальше, что делать с гибелью нашего Жреца и какие меры нам предпринять – если это действительно необходимо – против Ника и его землерылихи.

– Я Землеступ, – поправила его Мари сильным, уверенным голосом. – Мой народ зовется Землеступами. Называть меня землерылихой – значит оскорблять меня; кроме того, вам следует знать, что я Землеступ лишь наполовину. Мой отец был вашим соплеменником, Псобратом по имени Гален.

Мари увидела, как на лице Уилкса промелькнуло удивление. Это же удивление прокатилось по всей толпе – особенно отчетливо оно проступило на лицах старшего поколения.

– Она говорит, что она одна из нас, – оскалился Тадеус.

– Ей необязательно это говорить, как и тебе необязательно в это верить, – сказал Ник. – То, что ее выбрала овчарка, делает ее одной из нас.

– Ник прав. Не кровь делает тебя Псобратом, а сердце, душа и любовь к псам, – сказал Уилкс.

– И у Мари есть все, – Ник улыбнулся, с гордостью глядя

на нее. Потом он обратил взгляд на толпу и возвысил голос, чтобы все на поляне его услышали. – А еще Мари знает, как лечить паршу.

– Ложь! – завопил Тадеус.

– Это правда! – отрезал Ник. – У меня была парша. Мари меня вылечила. И у О’Брайена, как вы знаете, тоже, а теперь он здоров.

– Пустые разговоры! Никто не видел О’Брайена с тех пор, как начался пожар, – сказал Тадеус.

– Я видел.

Всеобщее внимание переключилось на юношу по имени Дэвис. Он нервно переступил с ноги на ногу, и его маленький терьер повторил его движение. – Я видел, как он помогает Розе спасти помет Фалы. Возможно, он не выжил, потому что пожар отрезал его от нас обоих, но я точно его видел и могу поручиться, что он был здоров.

– Он выжил, – заверил его Ник. – Я видел его после этого. Он спас всех щенков Фалы и вел их с Розой в безопасное место.

– О, ну тогда все в порядке! – издевательски фыркнул Тадеус.

Мари надоело молчать. Она неприязненно помотала головой.

– Тадеус, ты худший из лицемеров, потому что ты еще и лжец. Это из-за тебя погибла моя мать. Из-за тебя и того старика Землеступы у Канала запаниковали, и начался пожар.

Это по твоей вине отец Ника, ваш Жрец Солнца, мертв. И если сегодня мы погибнем в огне, то только потому, что ненависть для тебя важнее жизни. – Она окинула взглядом Псо-братьев. – Для вас ненависть тоже важнее жизни?

– Не смей говорить со мной в таком тоне, землерыльская шлюха! – Тадеус, кажется, окончательно потерял над собой контроль и бросился вперед, протягивая руки к ее горлу.

С диким рычанием Ригель набросился на него и повалил на землю, а потом встал над ним, остерегающе рывкая и оскалив зубы у самой его шеи, в то время как Лару прижал к земле злобного терьера Тадеуса, вынуждая его открыть шею и брюхо.

Остальные псы дружно попятились от Лару и Ригеля, опустив головы и безропотно поджав хвосты.

– Ник, Мари, отзовите овчарок, – сказал Уилкс. – Тадеус, нам нужно сосредоточиться на борьбе с огнем. Позже мы решим, как поступить дальше, – если выживем. А до тех пор держись от Мари и Ника подальше.

Лару и Ригель вернулись к Нику и Мари. Тадеус и его терьер медленно поднялись на ноги. Где-то вдалеке раздался раскат грома, и ветер снова переменялся, хлестнул порывисто с севера и принес с собой искры, дым и голодный вой приближающегося пламени.

– У нас мало времени! Нам нужен солнечный огонь, чтобы потушить пожар, но без Жреца Солнца...

Уилкс торопливо обратился к окружающим, и все пере-

ключились на него – все, кроме Мари. Она продолжала наблюдать за Тадеусом, размышляя, как один полный ненависти человек так круто изменил ее жизнь, когда заметила, что его рука потянулась к маленьким ножам на поясе. Он с ненавистью посмотрел на Ригеля и одним отточенным движением вынул из ножен метательный кинжал.

Мари захлестнул страх.

– *Не трогай его!* – завопила она на Тадеуса и дала волю гневу, который бурлил в ней с того момента, как он впервые назвал ее шлюхой. Она выбросила вперед руку, и сорвавшийся с пальцев огненный шар ударил в землю у самых ног Тадеуса и подпалил ему штаны, заставляя его выпустить из рук кинжал, который упал острием вниз и вонзился в бок Одиссею. Мужчина и пес одновременно закричали от боли. Тадеус кинулся к ручью, пока Одиссей с мучительным визгом пытался ухватиться за рукоять кинжала зубами.

– Помогите ему! Помогите Одиссею! – закричал Тадеус из воды. Двое Охотников бросились вперед, чтобы вынуть кинжал из бока терьера и зажать кровоточащую рану.

Мари в ужасе уставилась на раненого терьера, разрываясь между пониманием, что никто не позволит ей помочь псу, и инстинктивным желанием это сделать. Должно быть, она невольно шагнула вперед, потому что Ник вдруг положил руку ей на талию.

– Это Тадеус ранил своего пса. Не ты. Держись, Мари. Ты только что призвала солнечный огонь. Ты *доказала*, что в

тебе течет кровь Псобрата, – шепнул он.

Псобратья на поляне во все глаза смотрели на Мари. Она отвернулась от раненого пса, вскинула подбородок и смело встретила их взгляды.

– Вы еще сомневаетесь, что мой отец был одним из вас?

Тадеус выбрался из ручья и заковылял к Одиссею, грубо оттолкнув двух Охотников, которые обрабатывали терьеру рану. Он опустился на колени рядом с маленьким псом, который продолжал поскуливать от боли, и впился в Мари наполненными ненавистью зелеными глазами.

– Грязная тварь! Ты заплатишь за то, что сделала с Одиссеем!

Ник открыл рот, но на этот раз Мари остановила его, накрыв его руку своей.

– Ты хоть когда-нибудь берешь ответственность за свои действия? – поинтересовалась она и с отвращением покачала головой. – Все видели, что произошло. Ты угрожал *моему* псу. Я призвала солнечный огонь, чтобы тебя остановить. Это *ты* уронил кинжал, который предназначался Ригелю, и ранил Одиссея. *Это была твоя вина!*

– Этого бы не случилось, если бы ты не лезла на чужую территорию. И пожара бы не было, и Сол бы не погиб, – огрызнулся Тадеус.

– Все очень просто, – подал голос Ник. На Тадеуса он даже не смотрел. Вместо этого он обратился к наблюдающим Псобратьям. – Вы хотите упиваться ненавистью вместе с Та-

деусом и пожинать плоды своей злобы – или вы готовы впустить в свою жизнь нечто новое, непривычное, нечто хорошее?

Повисшую тишину разорвал незнакомый голос.

– Все еще проще. Вы хотите напасть на единственного человека, который способен призвать солнечный огонь и спасти нас всех?

Мари распахнула глаза, когда из-за стены дыма вынырнул мужчина. Он вбежал в ручей, обдав их брызгами холодной чистой воды. Но Мари смотрела не столько на него, сколько на существо рядом с ним.

– Это рысь, – тихо пояснил Ник. – А ее спутник – наемник.

Несмотря на опасность ситуации, Мари распирало от любопытства. Животное было крупным – гораздо крупнее любого терьера. мех, хотя и грязный и опаленный, выглядел густым и мягким. Огромные лапы почему-то наводили на мысли о гигантском кролике. Уши рыси украшали черные кисточки, напоминающие перья, а когда она посмотрела в сторону Мари, девушка оторопела, потому что ее желтые глаза сверкали, как маленькие солнца.

– Антрес прав, – сказал Уилкс.

Тут мужчина поднял голову, и Мари с удивлением заметила, что цвет его глаз в точности повторял цвет глаз его рыси. Он вытер лицо рукавом туники и произнес:

– На случай, если до вас еще не дошло, знайте, что прямо за огнем – то есть прямо за мной и Баст – рой насекомых

пожирает все, что пропустил пожар.

– Рой? – повторил Уилкс. – Рой идет сюда среди бела дня?

– Да, если это можно назвать «белым днем». – Антрес махнул на затянутое дымом небо и скрытое пеленой солнце. – Времени нет. Если вы можете потушить пожар, делайте это сейчас. Если не можете, приглашаю следовать за нами с Баст. Нас отрезало от Канала, когда ветер переменялся, но мы пойдем мимо Города-Порта в сторону Увилки.

За спиной Антреса что-то взорвалось. Мари заметила, что, прежде чем отреагировать, мужчина бросил взгляд на рысь, после чего кивнул и выскочил из ручья.

– Или можете остаться здесь и лаяться, как шавки. Мне все равно.

– Лаяться, как *шавки*? – повторил Тадеус. – Ты оскорбляешь нас в сердце нашего же Племени?

Антрес с Баст замерли напротив Тадеуса и Одиссея. Наемник был на несколько дюймов выше тонкокостного Охотника и смотрел на него сверху вниз.

– Я больше не вижу Племени. Я вижу толпу препирающихся детей.

– Ты, грязный кошкочлюб... – начал Тадеус, но тут рысь молнией метнулась между своим спутником и Охотником. Она выгнула спину и зашипела, опасно сверкая желтыми глазами.

Тадеус отшатнулся, и Антрес улыбнулся.

– Да, Баст не подчиняется вашим правилам. Она не станет

валить тебя на спину, чтобы *показать* свое превосходство, – она просто тебя выпотрошит. Подойди ближе, собачник, и дай ей размяться.

– Тадеус, назад! – приказал Уилкс. Затем он кивнул Антресу. – Я не стану просить тебя остаться. Это не твое Племя, и пожар – не твоя забота. Я лишь попрошу, чтобы ты оставлял за собой метки – тогда Племя сможет при необходимости пройти твоим путем.

– Хорошо. – Антрес почтительно кивнул Уилксу и вместе с рысью растворился в лесу.

– Наш гость прав, – сказал Уилкс. – Мари, ты нам поможешь?

Мари ответила быстро и четко:

– Только если вы позволите нам с Ригелем свободно покинуть территорию Племени. А также Нику и Лару – и любому, кто захочет уйти с нами, когда с пожаром будет покончено.

Уилкс недоверчиво уставился на Ника.

– Ты хочешь уйти? С альфой и женщиной, которая, как ты утверждаешь, умеет лечить паршу?

Ник ответил, не раздумывая:

– Я иду с Мари.

Мари видела, какое действие оказали на Племя слова Ника. Люди смутились и явно не знали, как им реагировать. Ей было их жаль: их город горел, друзья и родные были в опасности, а теперь им еще и приходилось иметь дело с ней – незнакомкой, которая вторглась на их территорию... и была

их единственным шансом на спасение.

Да, она испытывала жалость, но она не была глупа. Мари возвысила голос, чтобы перекрычать вой ветра и рев огня, который подбирался все ближе.

– Я призову солнечный огонь и спасу вас. Кроме того, я даю слово, что вернусь и позабочусь о ваших раненых, а также поделюсь с Племенем секретами целительства Жриц Луны, но только если ваш Совет пообещает, что вы никогда больше не возьмете в рабство ни одного Землеступа.

– Ее слово ничего не значит, – сказал Тадеус, отрывая рукав от туники и принимаясь перевязывать Одиссея. – Если вы ее отпустите, то вернуть ее получится, только выследив ее и притащив назад на веревке, как дикого кабана.

Мари заглянула в полные ненависти глаза Тадеуса и обратилась лично к нему:

– Если ты не закроешь рот, я заставлю тебя замолчать навсегда.

– Ты смеешь мне угрожать, дрянь?

Ригель со свирепым рычанием сделал по направлению к Тадеусу пару шагов. Мари чувствовала ярость Ригеля – и черпала из нее силы. Она впустила ее в себя, и ее собственное лицо исказилось оскалом. Затем ярость ее спутника шевельнулась внутри нее, и все ее тело до последней клеточки затопил жар, который желтым пламенем пылал одновременно над ней, вокруг нее и внутри.

Ник отдернул от нее руку, словно обжегся, но ободряюще

улыбнулся:

– Вот оно! Ты снова это делаешь. Ты призываешь солнечный огонь!

– Всем назад! – выкрикнул Уилкс. – На другую сторону Барсучьего ручья! – Племя бросилось бежать, а Уилкс направился к Мари и Нику. – Призывать солнечный огонь так близко и в таких количествах слишком опасно. Ник, помоги ей подняться вон на тот берег, – он махнул на склон, под которым ручей лениво менял направление и уходил в самое сердце Племени.

Ник кивнул, и все трое вместе с собаками поспешили на вершину склона.

– Что теперь, Ник? – шепнула Мари.

– Способность призывать солнечный огонь у тебя в крови, – заговорил он торопливо и тихо. – Она твоя по праву рождения – так же, как способность призывать силу луны. Просто прими то, что уже наполняет твое тело. Позволь огню использовать тебя, Мари. Выпусти его на волю.

От волнения у Мари засосало под ложечкой, но она кивнула и повернулась туда, откуда на них, пожирая все на своем пути, надвигался огонь.

Она закрыла глаза и размеренно вздохнула – один раз, два, три, – нащупывая опору, отрешаясь от окружающих ее жара и дыма, страха и ненависти и сосредотачиваясь вместо них на собственном дыхании. Мари представила, как дым над ее головой расступается, и перед ее внутренним зрени-

ем возникло масляно-желтое солнце, гордо сияющее в лазурном небе.

Она чувствовала жар, чувствовала силу. Солнце было там, где должно было быть. Она подняла руки, потянулась и ощутила, как золотистый филигранный узор, дремлющий под ее кожей, пробуждается, заполняя ее тело ни с чем не сравнимым желтым жаром.

Но он не кипел. Не становился мощнее, не накапливался, не рвался наружу.

Она открыла глаза и беспомощно уронила руки.

– Я не могу. Не получается.

– Ты можешь! – Ник обнял ее за плечи и развернул лицом к себе. – Я знаю, что можешь. Ты уже делала это раньше, у ручья, когда умерла твоя мама.

– В тот раз я не думала, Ник. Это случилось само собой – как только что, когда я швырнула в Тадеуса огненный шар. Внутри меня закипает жар, а потом он вдруг вырывается наружу. Но я не знаю, как заставить его закипеть.

– Может, так же, как ты призываешь луну? Наверняка это что-то близкое, – предположил Ник.

– Нет, это совершенно другое! Я знаю луну, а она знает меня. Я призывала ее всю свою жизнь.

– Что такое? – Уилкс держался чуть в стороне, чтобы не мешать Мари и Нику, но теперь встревоженно подошел ближе. – Что-то не так?

Ник начал объяснять, но Мари мягко коснулась его руки,

и он замолчал.

– Я не знаю, как призвать солнечный огонь. Я делала это всего два раза, и оба раза все получалось само собой.

– Хочешь сказать, тот огненный шар ты кинула в Тадеуса не нарочно?

Мари кивнула.

– В первый раз это произошло, когда погибла ее мать, – сказал Ник. – Я собирался попросить Сола заняться ее обучением, но... – Он умолк.

Уилкс на секунду прикрыл глаза, а когда открыл их снова, поймал взгляд Мари и произнес:

– Пожалуйста, прости меня.

Мари недоуменно гадала, что он имеет в виду, а Уилкс тем временем снял с пояса плетеный пеньковый ремень. Затем он стремительным движением выбросил вперед руку, накинув получившуюся удавку Ригелю на шею, и дернул за веревку с такой силой, что сбил молодого пса с ног и, подтянув его к себе, сдавил ему горло, так что овчарка начала вырываться и хрипеть.

– Убери руки! – завизжала Мари и в ярости бросилась к Уилксу, готовая вцепиться ему в лицо ногтями.

И тут она увидела, что Уилкс прижимает к шее ее спутника нож. Они с Ригелем замерли одновременно.

– Нет! Не надо! Пожалуйста, не трогай его!

– Если ты не призовешь солнечный огонь, я перережу ему горло.

Мари никогда не забудет, как бесцветно звучал в ту минуту голос Уилкса. Она заглянула Псобрату в глаза и поняла, что он готов это сделать – готов убить ее Ригеля.

Злость, страх, ярость и отчаяние захлестнули Мари с головой. Она чувствовала, с каким трудом дышит Ригель, видела, как мутнеет сознание в глазах ее овчарки, а нож все сильнее прижимается к шее. Он уже проколол толстую шкуру, окропив папоротник у ног Уилкса алыми пятнами.

Мари задыхалась глубже. Она потянулась к Ригелю через их загадочную мистическую связь и впустила в себя страх, гнев и боль молодого пса.

Жар внутри нее начал нарастать, и Мари с готовностью приняла его – приняла злость, страх, боль и силу, исходившие сперва от ее овчарки, а потом от нее самой, пока она не погрузилась в них целиком. Тогда Мари подняла руки и закричала, и переполнивший ее жар хлынул из ладоней жидким огнем, пронесся над головой Уилкса и над ручьем и обрушился на поваленные деревья, а вместе с ним, подобно вулканической лаве, полилась наружу ее ярость.

Никогда еще Мари не испытывала ничего подобного. Это была не холодная сила серебряной луны. Эта мощь – этот текучий жар – была величественна и страшна. Поток огня рвался наружу, набирая силу, и Мари оставалось лишь бессильно за ним наблюдать. Она увидела границу пожара. Казалось, пламя тянется к ревущему солнечному огню, как мотылек к свету. Когда две силы встретились, Мари ощутила

лесной пожар внутри себя. Он был голоден – ненасытен! – и пытался поглотить ее солнечный огонь, чтобы продолжить пиршество.

– Нет! – закричала она.

Она знала, что ей нужно больше солнца – больше силы, больше жара. Она зажмурилась и открылась редким лучам солнца, которые пробивались сквозь дым, и они хлынули в ее тело с какой-то непонятной ей готовностью. Жар, который обрушивался на пожар, усилился, и страшное пламя словно взревело в ответ.

– У тебя получается! – зашептал ей в ухо Ник. В его голосе звучали радость и гордость. – Остановись, когда я скажу. Солнечный огонь может быть не менее опасен, чем лесной пожар. – Он немного помолчал, а потом крикнул: – Хватит, Мари!

Мари открыла глаза. Она вгляделась в поток пламени, который продолжал литься из ее ладоней, и по ее лицу заструились слезы. Ее начало трясти, и она с ужасом подумала, что в любую секунду у нее могут подкоситься колени. Она попыталась сжать кулаки. Попыталась остановить струю пламени, но у нее ничего не вышло. Она призвала солнечный огонь и теперь не знала, как его контролировать.

– Я... н-не могу. Он н-не прекращается, – выдохнула она, стуча зубами.

Руки Ника тут же оказались у нее на плечах. Она почувствовала, как его ладони скользят по ее коже до запястий,

касаются кистей рук. Он взял ее руки в свои, мягко накрывая тыльную сторону ладоней прохладными пальцами, и тихо сказал ей на ухо:

– Посмотри направо, Мари.

Она оторвала взгляд от огненного водоворота на другой стороне ручья и увидела, что Уилкс отпустил Ригеля. Молодая овчарка прижималась к ее правой ноге и, заглядывая ей в лицо, умоляюще поскуливала.

– Ригель в безопасности, – сказал Ник мягким, успокаивающим тоном. – Ты в безопасности. Я и Лару в безопасности. Больше не нужно злиться или бояться, Мари. Сделай вдох. Расслабься. А потом направь огонь вверх и верни его солнцу.

Мари, не отводя глаз от Ригеля, сосредоточилась на любви, которую он ей посылал. Она вдохнула и выдохнула, отпуская гнев и страх и представляя, как они уходят в небо вместе с жидким огнем.

В ту же секунду солнечный огонь покинул ее тело. Она пошатнулась и упала бы, если бы не сильные руки Ника, который помог ей удержаться на ногах.

– У тебя получилось! – Он крепко ее обнял. – Получилось! Пожар закончился!

Мари вытерла лицо и повернулась в его объятиях. Только сейчас она увидела, как странно он держит ладони – неуклюже, отведя их в сторону.

– Ник, что с твоими... – начала она, но слова застряли у нее в горле, когда она взяла его ладони и увидела, что они

покрыты ожогами и окровавлены. Ее снова затрясло. – Это сделала я. Я тебя обожгла!

Ник тыльной стороной ладони погладил ее по мокрой щеке.

– Мари, я готов терпеть ожоги весь день, если это поможет спасти Племя от пожара. – Он засмеялся. – Ты была великолепна!

– Но у тебя ожоги! Из-за того, что ты прикасался ко мне. Мари, борясь с тошнотой, принялась отрывать от его туники полоски ткани и заматывать ему руки.

Ник улыбался во весь рот, словно мечта его жизни только что исполнилась.

– Что ж, Жрица Луны, похоже, тебе придется со мной повозиться. Снова.

Прежде чем Мари успела ответить, воздух начал вибрировать. Они с Ником развернулись и с ужасом уставились на зависшее перед ними рваное черное облако. Еще дальше земля рябила и дрожала, а из пепла выгоревшего леса поднимался рой, покидая свои темные лежища и надвигаясь на Племя.

6

– Бегите! Всем навверх! Рой! Идет рой! – Крик Уилкса, подобно боевому рогу, разнесся над ручьем, и Племя – люди и собаки вперемешку – бросилось бежать.

– Мари! Нужно залезть на дерево! – Ник попытался перекричать панический гомон, когда она схватила его за руку и потащила за собой.

– На дерево? Нет, надо бежать! Найти нору. Спрятаться от роя. – Она провела трясущейся рукой по неестественно бледному лицу.

Ник быстро оценил ее состояние, и у него засосало под ложечкой. *После призыва такой лавины огня ей нужно отдохнуть. Побольше есть, пить травяной чай. Проспать сутки, а то и двое. Она плохо соображает. Она слишком устала, чтобы соображать.*

Но у Мари не было привилегий, которыми пользовались Жрецы Солнца. Мари должна была бежать или умереть – а если умрет она, умрет и Ригель. В голове у Ника промелькнула простая истина: со смертью Мари умрет не только Ригель. Ник ее не оставит. А Лару не оставит Ника. Забыв о боли в перевязанных руках, он схватил ее за плечи и энергично затряс.

– Мари, послушай меня. Нам нужно залезть на дерево. Подняться в Город-на-Деревьях. Только так можно пережить

нападение роя.

Мари покачнулась и помотала головой.

– Залезть? Ригель не умеет лазить. А значит, я тоже не полезу.

Ник не стал тратить время на уговоры. Он взглянул на Лару.

– Отведи нас домой! К гнезду отца! Скорей, Лару!

Пес гавкнул и сорвался с места, а Ригель припустил за ним.

– Так, Мари. Я тебе помогу. Обопрись на меня, и все будет хорошо.

Поддерживая Мари за пояс, Ник потащил ее вслед за спутниками, а его соплеменники обгоняли их, спеша добраться до сосен и своего спасения.

Догнать Лару и Ригеля не составило труда. Собаки остановились перед одним из главных подъемников, ведущих к древесному городу. Деревянная клетка была набита людьми, но Ник вытолкнул Мари вперед, пытаясь втиснуть ее и Ригеля внутрь, пока дверь не заперли.

– Назад! – Тадеус вскарабкался на крышу подъемника и устроился там, наставив арбалет прямо в сердце Мари. – Забирай свою шляху и проваливай на территорию землерылов. Сомневаюсь, что рой туда заглядывает, – сказал он едко.

Ник не удостоил его даже взглядом. Вместо этого он обвел глазами тех, кто был внутри.

– Она спасла вас. Всех вас. Она призвала солнечный

огонь, который остановил пожар.

– Эта дрянь устроила пожар! *И ранила моего спутника!* – выкрикнул Тадеус. С его тонких губ летела слюна. Одиссея, свернувшего в жалкий клубочек в углу подъемника, била дрожь.

– Это ты уронил кинжал и ранил Одиссея! Из-за твоей ненависти на Фермерском острове начался пожар. Сожри тебя парша! *Это все твоя вина!* – рявкнул в ответ Ник.

Люди на подъемнике обеспокоенно переводили взгляд с Ника на Тадеуса.

– Пойдем, Ник. – Мари взяла его за локоть и с неожиданной силой потянула прочь. – Ты не заставишь их меня принять. И, как по мне, лучше иметь дело с роем насекомых, чем с Тадеусом и его ненавистью.

Ник согласно хмыкнул и снова взглянул на Лару.

– Другой путь наверх, Лару. Быстро!

Овчарки сорвались с места, и Ник потянул Мари за ними. Вокруг нарастало жужжание роя – ужасный непрерывный гул, в котором то и дело раздавались мучительные вскрики несчастных, которые попадались на пути насекомых.

– Ник, мне надо остановиться. – Мари опустила на колени и подняла на него потное, мокрое от слез лицо. – Я... я не знаю, что со мной, но я больше не могу. Прости, – всхлипнула она. – Возьми Ригеля. Не дай им до вас добраться.

– Ни до кого из вас этот треклятый рой не доберется, – раздалось вдруг сверху, с мощных ветвей сосны, на которую

опиралась Мари. Ник вскинул голову и увидел на гигантской ветке Антреса. Его рысь, Баст, сидела рядом, не сводя с них светящихся желтых глаз. Антрес протянул руку вниз. – Простая рысья логика. Твоя Мари спасла нас с Баст. Теперь мы с Баст спасаем тебя и твою Мари.

– И Лару с Ригелем! – сказала Мари.

– И их тоже.

Ник благодарно кивнул Антресу и скомандовал Лару и Ригелю:

– Наверх! Живо наверх!

Он увидел, как Мари хмурится и качает головой, но не стал отвлекаться. Он знал, что Лару и его сын сделают в точности так, как их учили, раз за разом отрабатывая порядок действий в чрезвычайной ситуации. Ник наклонился, коснувшись лбом коры, поднял руки на манер импровизированных боковых сторон лестницы и крепко прижал ладони к дереву.

– Давай, Лару!

Большая овчарка не медлила ни секунды. Пес отбежал на несколько шагов, а потом разогнался и запрыгнул Нику на спину, карабкаясь по плечам и напрягая крепкие мышцы, пока Антрес не подхватил его под лапы и не втащил на одну из платформ Племени, которая, хотя и была ниже всех, все же располагалась на безопасной высоте от поверхности земли.

– Ригель! Наверх! – выкрикнул Ник.

Ригель последовал за отцом, используя Ника как трамплин. Антрес схватил его за загривок и втянул на дерево вслед за Лару.

– Скорее! – Антрес тревожно окинул взглядом лес за спинами Мари и Ника. – Они уже близко.

– Мари, забирайся мне на спину, как Лару и Ригель. Быстро! – велел Ник.

Мари с мучительным стоном поднялась на ноги и шагнула к нему. Она начала было карабкаться ему на спину, но руки и ноги у нее дрожали так, что она постоянно соскальзывала.

– Не могу, – выдохнула она так тихо, что он едва расслышал, и распласталась у него на спине. – Прости, Ник. Прости, Ригель.

– Извиняться будешь потом! Смотри сюда!

Ник поднял голову. Вид Антреса в его животной форме навсегда отпечатался в его памяти. Мужчина был от них в паре футов. Одну руку он протянул к ним, подзывая Мари, а другой *цеплялся за ствол, вонзив в сосновую кору когти!* Глаза у него светились тем же желтым огнем, что и глаза Баст. Ник мог поклясться, что в Антресе изменилось не только это – изменились его волосы и уши, но он отбросил все мысли и рявкнул Мари:

– Мари, живо сюда! Хватай его за руку! Давай, давай!

Слова Ника обожгли Мари, как раскаленные угли. Она вскарабкалась ему на спину и, цепляясь за дерево, встала на его плечи.

– Руку! – закричал Антрес.

Ник почувствовал, как она колеблется. Антрес вполголоса выругался.

– Прости, я сейчас втяну когти на этой руке. А теперь давай!

Ник почувствовал, как с плеч исчезает вес Мари, а в следующую секунду он остался на земле один, окруженный зловещим гулом приближающегося роя.

– Давай! Твоя очередь. Хватай меня за руку и забирайся по мне, как Мари забралась по тебе.

Забыв о боли в ладонях, Ник сделал так, как сказал Антрес. Человек-рысь мог не только выпустить когти, но и исполосовать ими всю его руку – Ник был готов терпеть что угодно, лишь бы оказаться наверху, подальше от смертельного облака насекомых.

– Ник! Помоги!

К деревьям мчались Дэвис и его маленький пшеничный терьер Кэмерон. Ник бросил на Антреса взгляд; мужчина пожал плечами. Ник быстро кивнул и, сложив ладони рупором, закричал Дэвису:

– Сначала Кэмми, а потом я подниму тебя!

Дэвис не стал тратить время на слова. Он занял ту же позу, что Ник до него, прижавшись к старой сосне и подняв руки. Выдрессированный терьер не колебался ни секунды. Разбежавшись, он запрыгнул Дэвису на спину и вскарабкался по нему к Нику, который обхватил ногами низкую ветку и ви-

сел вниз головой, протянув к псу руки. Ник поймал терьера и передал его Антресу.

Затем, с помощью Антреса, он поднял на дерево Дэвиса. Втроем они затолкали Мари на платформу к овчаркам и, вскарабкавшись на деревянный настил сами, упали на пол, пытаясь отдышаться.

Ник подполз к Мари. Она обвила Ригеля руками и прижалась лицом к его меху.

– Мари, после призыва солнечного огня такая усталость совершенно нормальна. Тебе надо поесть и отдохнуть – и скоро будешь как новенькая.

Она подняла на него пустые серые глаза, в которых застыло отчаяние.

– Ты же знаешь, что отдохнуть не получится. Рой нас убьет.

Ник помотал головой.

– Нет, мы в безопасности. – Он ткнул пальцем наверх. – Племя вскрыет бочки и выльет на жуков смесь кипарисового масла, масла мяты, щелочного раствора и соленой воды. Она почти не позволяет им дышать, а если они не смогут дышать, то и наверх не полезут. Мы в безопасности, – повторил он и обнял ее за плечи. – Вот увидишь. Как только жуки подберутся ближе, Племя выльет на них масло и соленую воду.

Ник почувствовал, как напряжение отпускает Мари, когда у них за спиной с громким стуком спрыгнула на платформу девушка. Отстегнув ремни, удерживающие у нее на спине

овчарку, она мрачно кивнула Нику.

– Клаудия! Я рад, что вы с Марией в порядке.

Клаудия сунула Нику арбалет и колчан со стрелами.

– Увы, нас осталось слишком мало – по крайней мере, на этой сосне, – так что масло лить некому. А если уж я застряла на платформе, окруженной роем, я предпочитаю держаться поближе к лучшему стрелку Племени. – Она повернулась к Дэвису. На спине у него висел его собственный арбалет. – Дэвис, тебе нужны еще стрелы?

– Если у тебя есть лишние, – кивнул Дэвис, и Клаудия протянула ему связку острых стрел.

Клаудия оценивающе прищурилась на Антреса. Ее овчарка демонстративно не замечала сидящую рядом рысь.

– Ты хорошо обращаешься с арбалетом?

– Если от этого зависит, сожрут ли меня голодные насекомые, то – да, я хорошо обращаюсь с арбалетом.

Клаудия хмыкнула, сняла с плеча еще один арбалет и вручила его Антресу вместе со связкой стрел.

– Пусть каждая из них попадет в цель.

Рысь повернула голову, напомнив вдруг Нику о совах, выгнула спину и предостерегающе зашипела.

– Рой, – сказал Антрес.

Ник почувствовал, как Мари снова затрясло.

– Я могу попытаться призвать солнечный огонь снова, – слабо предложила она.

Ник помотал головой.

– Нет. Если ты призовешь солнечный огонь, не имея энергии, чтобы его контролировать, это может тебя убить. Но мы выживем, обещаю. Отойди на середину платформы. Ригель! Держись рядом с Мари. А мы разберемся с роем.

Опираясь на Ригеля, Мари переползла в середину маленькой платформы, и ее место рядом с Ником заняла Клаудия. Лару прижался к нему с другой стороны, насторожив уши, задрав хвост и приготовившись сомкнуть свои мощные челюсти на первом же жуке, который осмелится к нему сунуться.

Ник бросил взгляд на другой край платформы, где стоял Дэвис.

– Мне кажется, Кэмми лучше отойти к Мари и Ригелю. Эти твари размером с него. Они его запросто утащат.

– Вот дерьмо! – тихо выругался Дэвис. – Ты прав. – Он взъерошил кудрявую пшеничную шерстку на голове терьера и быстро поцеловал его в нос. – Держись рядом с Мари, – сказал он своему спутнику, – помогай Ригелю ее защищать.

Кэмми лизнул Дэвиса в лицо и занял оборонительную позицию у ног Мари.

Клаудия сняла с пояса топорик, вырезала из сосновой ветки подобие дубинки и сунула ее Мари.

– Если кто-то из них проберется мимо нас, она тебе пригодится.

Ник хотел сказать Мари что-нибудь обнадеживающее. Она выглядела ужасно – бледная, напуганная, совершенно

не похожая на ту величественную богиню, которая призывала неукротимую мощь солнца. Но времени не было. Воздух наполнился хорошо знакомым стрекотанием кожистых крыльев, и с хвойного ковра начали подниматься жуки размером с терьера, привлеченные запахом крови.

Ник собрался с духом и постарался откинуть страх за Мари, Ригеля и Лару и пульсирующую боль в обожженных, окровавленных ладонях. Он потуже затянул полоски ткани на руках, прицелился и выстрелил, пробив брюхо первому жуку. Лару перехватил в воздухе другого, встряхнул его так, что у жука переломился хребет, и скинул его вниз, на оживший ковер.

Для Ника время замерло. Он машинально прицеливался и стрелял, игнорируя боль в ладонях, и подбадривал криками Дэвиса, Клаудию и Антреса, а псы и рысь сражались бок о бок с ними.

Все закончилось быстро – гораздо быстрее, чем он ожидал. Рой был разумен. Насекомые избегали того, что может их убить, а потому редко охотились рядом с Городом-на-Деревьях. Даже пострадавшие от огня люди в наполовину опустевшем городе представляли угрозу куда серьезнее, чем раненые люди и псы, не способные забраться на спасительные деревья. Через несколько минут роя не стало. Жуки сожрали своих же мертвых родичей и улетели, не оставив и следа от того кошмара, который они несли по лесу.

– Все живы? – спросил Ник, бегло ощупывая Лару, чтобы

убедиться, что никто не проколол ему шкуру острыми, как ножи, жвалами. Удостоверившись, что Лару не пострадал, он подошел к Мари, попутно столкнув ногой дохлого жука с платформы, и опустился рядом с ней на корточки.

– Он тебя задел? Дай посмотри. В их жвалах много всяких ядов.

Мари остановила его, нежно взяв Ника за руки.

– Со мной все хорошо. Я страшно устала, но я в порядке. Ригель и Кэмми убили жука, который пробрался мимо вас. – Она улыбнулась терьеру, который деловито засеменил к ней, оживленно виляя хвостом, и почесала ему мохнатый подбородок.

– Хороший мальчик, Кэмми! – Дэвис протянул руки, и его спутник бросился к нему и принялся яростно вылизывать ему лицо. – Какой ты у меня молодец! Защитил Мари и Ригеля!

Мари и Ник тайком обменялись улыбками, когда Ригель фыркнул и чихнул, явно недовольный такой оценкой его охотничьих навыков.

– Что теперь?

Ник отвел взгляд от улыбки Мари и увидел, что спутник рыси возвышается над ним, уперев руки в бока. Его рысь сидела рядом с отстраненным видом, словно была мыслями где-то далеко.

– Что теперь? – Ник пожал плечами. – Я уйду с Мари.

– Ты уходишь? – хором переспросили Дэвис и Клаудия.

– Конечно, уходит, – Антрес саркастически усмехнулся. – Ваши соплеменники дружно спятили. Ваш Жрец мертв, и, если я услышал достаточно, чтобы правильно понять ситуацию, его убил этот злобный маленький Охотник, Тадеус, а теперь он намеревается убить Ника и Мари. Я не вижу причин считать Ника и Мари идиотами, так что, само собой, они уходят.

– Сол мертв? – Клаудия побледнела, а ее овчарка съехала по древесной коре на платформу и заскулила.

– Да, – сказал Ник.

– И его убил Тадеус? Парша меня раздери, почему этого ублюдка до сих пор не связали и не скормили жукам? – прорычала Клаудия, смахивая с лица злые слезы.

– Он убил Сола случайно, хотя я подозреваю, что он рад, что все так обернулось, – пояснила Мари. – Тадеус пытался убить меня. Сол закрыл меня собой от его стрелы.

– Но если Сол мертв, почему пожар прекратился? Кто призвал солнечный огонь?

Все взгляды обратились к Мари. Ник с гордостью улыбнулся.

– Это Мари призвала солнечный огонь и спасла всех нас.

– А этот мерзавец все равно собирался убить и ее, и Ника, – сказал Антрес. – Вот почему им нужно уходить. И как можно скорее. Пока Тадеус не пришел сюда и не сделал еще один *случайный* выстрел.

– Кошатник прав, – кивнул Дэвис и, спохватившись, ви-

новато покосился на Антреса. – Прости, не хотел тебя оскорбить.

– Ничего страшного, – улыбнулся Антрес. – Можешь смело звать меня кошатником, пока я могу называть тебя собачником.

Дэвис насупился, но поправился:

– Спутник... гм... рыси прав. Тадеус намерен расправиться с Ником и Мари, а теперь, когда члены Совета и Воины рассеяны по лесу – если вообще живы, – ему что угодно может сойти с рук.

– Например, убийство моего отца, – мрачно произнес Ник.

– Это ему с рук не сойдет, – вмешалась Клаудия. – Нет уж. Племя ему этого не простит.

– От Племени мало что осталось, – сказал Антрес и, когда Дэвис и Клаудия с жаром начали возражать, примирительно поднял руки. – Погодите. Не хочу показаться грубым, но оглянитесь вокруг. Хорошая половина вашего города сгорела дотла. Судя по всему, больше половины Псобратьев погибли или были тяжело ранены еще до появления роя. Древесное Племя *было* великим, но что от вас осталось теперь? Вы потерпели страшные потери, и сейчас кто-то вроде Тадеуса без труда может заставить выживших поверить в то, во что верит сам. Я уже видел такое раньше – ничего хорошего не ждите.

– Я думал, люди-рыси не живут стаями, – сказал Ник.

– Так и есть. Мы действительно одиночки, но еще мы на-

емники и много путешествуем. Только мы знаем все пути через горы. Я работал на многие племена и встречал разных людей и их спутников. Подобные трагедии пробуждают в них лучшее – но и худшее тоже. Боюсь, то, что пробудилось в вашем Племени, можно смело назвать худшим.

Мари, пошатываясь, поднялась на ноги.

– Ник, отведи меня домой. Пожалуйста.

– Ник! Вот вы где! – раздался голос сверху, и Ник, вскинув голову, увидел, как Уилкс хватается за веревку и спускается к ним. Он мягко приземлился рядом с Ником, и юноша повернулся к нему, но тот смотрел не на него, а на Мари. Он низко поклонился ей и сказал:

– Я снова прошу у тебя прощения. Пожалуйста. Мне отвратительно от мысли, что пришлось так поступить с Ригелем, но это был единственный способ разозлить тебя так, чтобы ты смогла призвать солнечный огонь.

Мари настороженно смотрела на него.

– Ты мог его убить.

– Нет, – твердо возразил Воин. – Я бы никогда этого не сделал, но ты – и Ригель тоже – должна была поверить в то, что я это сделаю. Если бы ты не призвала солнечный огонь, мы бы уже были мертвы. Прости меня. Племя не терпит насилия по отношению к собакам.

– Скажите об этом Тадеусу. Кажется, он не знает правил, – сказала Мари.

– О, правила ему прекрасно известны, – отозвался Дэ-

вис. – Просто он считает себя выше их.

– Он заблуждается, – сказал Уилкс. – И я докажу это, когда хаос немного уляжется.

– Как ты можешь быть в этом уверен? – спросила Мари.

– Я Глава Воинов. Пока я сохраняю это звание, я даю тебе слово, что заставлю Тадеуса ответить за свои преступления перед Советом.

Мари тяжело вздохнула.

– Я прощаю тебя и буду помнить о твоём слове.

– Никогда о нём не забывай, – сказал Уилкс.

– Я тоже не забуду, – сказал Ник. – И я рад, что ты выжил.

– Я тоже рад, что вы живы. – Уилкс кивнул остальным. –

Я бы хотел, чтобы ты пошел со мной, Ник. И Мари тоже. – Глава Воинов снова почтительно поклонился. – Она великодушная целительница, и она нужна Племени. Кроме того, нам нужно разобраться с Тадеусом, а вы двое можете с этим помочь.

– Нет, – сказала Мари.

– Нет, – повторил Ник.

Мари подошла к Нику и взяла его под руку, показывая, что они едины в своём решении. Ригель подошел к ним и встал рядом с Мари, а Лару занял место у ног своего спутника.

– Сначала мне нужно найти свой Клан. Они нуждаются во мне, и сейчас они – моя главная забота. И я уже называла условие, при котором я вернусь и поделюсь с вами знаниями.

Ваш Совет должен пообещать, что Племя никогда больше не будет охотиться на Землеступов.

– А я пойду с Мари, но вернусь, чтобы свидетельствовать перед Советом. Тадеус должен ответить за то, что сделал, – сказал Ник.

– Ник... я не уверен, что могу позволить тебе уйти, – медленно и неохотно сказал Уилкс.

– У тебя нет выбора, – сказала Мари. Она подняла руку и раскрыла ладонь, словно готовилась снова призвать солнечный огонь. – Я понимаю, почему ты угрожал Ригелю. Но теперь я умею призывать солнечный огонь, и, клянусь перед лицом великой Матери-Земли, если ты сделаешь это *еще хоть раз* по отношению к Ригелю, Нику, Лару, мне или кому-то, кто находится под моей защитой, я призову солнечный огонь – и плевала я на лес и на ваш народ!

Уилкс попятился, не сводя напряженного взгляда с руки Мари.

– Послушай, как ты и сказала, я поступил так ради блага Племени. Нет нужды призывать огонь снова. Давай поговорим.

К удивлению Ника, Антрес шагнул вперед и встал рядом с Лару.

– Так ты признаешь, что эта девушка спасла ваше Племя? – Он вопросительно взглянул на Уилкса.

– Признаю. И мы ей за это благодарны.

– И вот так ты благодаришь Мари? Хочешь лишить ее и

ее друга свободы?

– Это неправильно, – сказал Дэвис, выступая вперед вместе с Кэмми.

– Нет, конечно. – Клаудия присоединилась к ним.

– Хотите сказать, вы *все* уходите вместе с Мари? – Уилкс недоверчиво помотал головой.

Долгую паузу прервал Антрес, обменявшись со своей рысью взглядами.

– Я иду туда, куда идет Баст. Баст наконец-то готова уходить. И, похоже, она хочет идти с Мари.

– Правда? – Мари выглянула из-за плеча Ника на безмолвную рысь, которая невозмутимо посмотрела на нее.

Антрес пожал плечами.

– Правда. Не против, если я пойду с вами?

– Я не возражаю, – сказала Мари. Она помолчала немного, переводя взгляд с Дэвиса на Клаудию. – И я не возражаю, если с нами пойдете вы и ваши псы. Не могу обещать вам города на деревьях, но я гарантирую тепло и защиту – если вы пообещаете, что будете мирно жить вместе с Землеступами.

Дэвис заговорил первым.

– Сказать по правде, меня уже тошнит от Тадеуса. Сил нет терпеть его злобу и ненависть. С каждым днем он становится все невыносимее, да еще и распространяет свое влияние среди Охотников. Они меняются, и я не уверен, что эти перемены мне по душе. Так что я пойду с Ником, – тут юноша робко улыбнулся Мари, – и его женщиной, которой повину-

ется солнечный огонь.

– Дэвис, не спеши с... – начал было Уилкс, но Мари его перебила:

– Почему ты не даешь ему сделать выбор самостоятельно? Неужели ты не уважаешь своего соплеменника?

– Разумеется, уважаю. Но он молод, а это решение явно принято впопыхах.

– Ник, расскажи Уилксу, как давно я жалуясь на Тадеуса.

– Дай подумать. – Ник демонстративно задумался. – С тех самых пор, как тебе дали его в наставники.

– Вот видишь, – сказал Дэвис Уилксу. – Никуда я не спешу. Я лишь хочу, чтобы ты уважал мой выбор.

Уилкс медленно и печально кивнул. Затем он повернулся к Клаудии.

– А ты? Что решишь ты?

– Я знаю слишком мало, чтобы принимать какое-либо решение, – сказала Клаудия. – Так что пока я остаюсь с Племенем.

– Справедливо, – кивнул Ник. – Если ты передумаешь...

– Я не знаю, где вас искать, – улыбнулась Клаудия. – Но ты обещал, что вернешься.

– И я вернусь, – заверил ее Ник и твердо посмотрел на Уилкса.

– Хорошо, – сказал тот. – Так я и передам Совету. Но подумай вот о чем, Ник. Ты лучший стрелок в Племени.

Ник пожал плечами.

– Я знаю, Уилкс. Я был лучшим с тех пор, как мне минуло шестнадцать зим. И что с того?

– А то, что теперь ты стал спутником альфы. То, что тебя выбрал Лару, многое меняет.

Ник вздохнул.

– Понимаешь, какое дело. Тут-то и кроется самая большая проблема Племени. Я был лучшим стрелком Племени и до того, как меня выбрал Лару, а когда он меня выбрал, я остался тем же человеком, кем был на протяжении двадцати трех зим. Но только теперь я вдруг стал достоин вести за собой Племя? – Он помотал головой. – Отец говорил, что я все пойму, если меня когда-нибудь выберут. Так вот, меня выбрали. И я все равно не понимаю. Нет, я уйду с Мари.

Уилкс склонил голову, признавая поражение, а когда снова поднял глаза, Ник увидел в них какую-то новую грусть. Мужчина взобрался по веревке на дерево и исчез в ветвях. Небо разверзлось. Дождь, который назревал весь день, тугими струями хлынул на землю.

– Кто это?

Зора во все глаза уставилась на охапку маленьких сопящих существ, которых О’Брайен пытался запихать под рубашку.

Он поднял голову и ослепительно улыбнулся.

– Щенки терьера!

– О Богиня. Это *тоже* собаки?

– Хочешь сказать, ты никогда не видела щенков? – О’Брайен уставился на нее так, словно она призналась, что никогда в жизни не видела солнца.

– Ты ударился головой, когда бежал от пожара, или ты и правда такой дурачок? – Зора нахмурилась. – Ты прекрасно знаешь, что я никогда не видела щенков. Ну, если не считать Ригеля, а он скорее чудище, чем щенок. – Она кивнула на сидящего рядом с Шеной Капитана, и складка у нее на лбу стала глубже. – Они вырастут такими же здоровенными, как этот Ригель-переросток?

О’Брайен расхохотался.

– Нет, конечно! Ригель и Капитан – овчарки, псы-вожаки. А эти малыши – терьеры, собаки Охотников. Они вырастут примерно такими, как Фала.

– Маленькая черная собака, которая отдыхает рядом с Розой? – спросила Зора и отвернулась из-за очередного при-

ступа кашля. Когда она снова встретилась глазами с О'Брайеном, он смотрел на нее с задумчивым видом. – Ну чего? – раздраженно поинтересовалась она.

– Ты хорошо себя чувствуешь? Ты постоянно кашляешь и вообще бледная, как поганка, если не считать синяков. Тебя кто-то избил?

Зора набрала в легкие побольше воздуха, собираясь ответить что-нибудь едкое – например, что Псобратьям не стоит лезть в ее дела или дела других Землеступов, – но на лице О'Брайена была написана искренняя тревога. Она вздохнула, снова закашлявшись, и с трудом удержалась от того, чтобы не почесать зудящую, стянутую кожу на локтях и запястьях.

– Вчера на меня напали. Но я в порядке.

– Уверена?

– А если и нет, ты готов меня подменить и поработать целителем?

– Что-то мне подсказывает, что у вас с Мари получится куда лучше, чем у меня.

– Ну тогда я отдохну, когда всех осмотрю, накормлю и размещу на ночь. Так вот, эти маленькие собаки, – она кивнула на охапку щенков у него под рубашкой. – Они будут как этот черный зверек рядом с Розой, а не как Ригель?

О'Брайен кивнул.

– Ага. Фала, спутница Розы – их мама. Хочешь поддержать одного? Они очень славные. – Он вытащил крошечную девочку и протянул Зоре.

Она машинально взяла щенка и теперь стояла, удерживая его за шкуру, а малышка брыкалась в воздухе всеми четырьмя лапками и недовольно пищала.

– Я ему не нравлюсь.

Она попыталась сунуть щенка О’Брайену в руки.

– *Она* еще не знает, нравишься ты ей или нет. Не раскачивай ее. Щенят можно брать за шкуру, пока они маленькие, но держать их лучше по-другому. Прижми ее поближе к себе. Вот так. – О’Брайен достал еще одного щенка и прижал к груди, как младенца.

Выражение, с которым Зора уставилась на него, ясно говорило, что больше всего на свете ей хочется сунуть щенка ему в руки.

– Давай, Зора. Прижми ее к себе. Я хочу посмотреть, что будет. – Изабель тихонько подошла к Зоре и теперь через ее плечо разглядывала извивающегося щенка.

Зора тяжело вздохнула, подавив кашель, посадила копошащуюся малышку на ладони и прижала ее к груди, как ребенка. Щенок мгновенно затих, а потом задрал голову, заинтересованно обнюхивая Зору.

Зора понюхала его в ответ и удивленно посмотрела на О’Брайена.

– От него хорошо пахнет.

– От *нее* прекрасно пахнет.

– У нее есть имя? – спросила Изабель.

– Нет. Точнее, да. Скорее всего, она уже знает свое имя,

но мы его узнаем, только когда она выберет себе спутника и он представит ее племени.

– А когда они делают выбор? – поинтересовалась Зора и приготовилась вернуть щенка О’Брайену, если он скажет, что щенок может сделать выбор в любой момент. Еще чего не хватало: маленькая собака, о которой нужно заботиться!

– Щенки начинают выбирать спутников, когда их отлучают от матери. – Заметив на лицах девушек непонимание, он пояснил: – Примерно когда им исполняется восемь недель. Но так рано щенки выбирают редко. А к шестимесячному возрасту, как правило, все уже обзаводятся спутниками.

– А сколько этой? – спросила Зора, одним пальцем поглаживая мягкую шерстку у щенка на спине.

– Чуть меньше двух недель. У нее совсем недавно открылись глаза.

– Щенки рождаются с закрытыми глазами? – удивилась Изабель.

– Ага.

– И этот маленький пес правда скажет человеку свое имя? – Изабель скорее заморожено, чем испуганно, протянула руку и провела пальцем по макушке щенка.

– О да, – кивнул О’Брайен.

– То есть она *заговорит*? – последнее слово Изабель произнесла испуганным шепотом.

– Вроде того – только не вслух. Когда она выберет спутника, между ними возникнет связь, и куда более надежная,

чем простые слова, – пояснил О’Брайен.

– Я не удивлена. Ригель чего только не рассказывает Мари. Ты знал, что это чудище с ума сходит от кожаных мячи-ков? Мари начала делать для него какие-то странные шарики, потому что ему нравится их гонять. Я спросила ее, откуда она знает, что они ему понравятся, а она ответила, что *он ей это сказал*. – Зора многозначительно посмотрела на О’Брайена. – Хочешь сказать, это *нормально*?

Улыбка О’Брайена была теплой и искренней.

– Это абсолютно нормально.

Зора подумала, что для Псобрата он, в общем, ничего, хотя он и был ужасно высокий, а волосы у него были ужасно светлые, из-за чего он выглядел очень необычно. Впрочем, благодаря Нику она уже начала привыкать к странной внешности Псобратьев.

– Можно я тоже подержу? – осторожно спросила Изабель.

– Конечно!

О’Брайен доставал из-за пазухи еще одного щенка, когда к ним подошли Роза и Фала.

– С щенками что-то не так? – Роза подскочила к О’Брайену, ощупала щенков, которых он держал, и уставилась на малышку, которую все еще неловко прижимала Зора. Изабель втянула голову в плечи и отвернулась.

– С щенками все прекрасно, – торопливо заверил О’Брайен Розу. – Изабель, подожди. – Изабель остановилась, и он продолжил: – Не уходи. Я уверен, Роза не будет возражать,

если ты поддержишь щенка.

Зора заметила, как они с Розой перекинулись взглядами. Роза глубоко вздохнула и повернулась к Изабель.

– Я не возражаю. Ты можешь поддержать одного из щенков Фалы.

Изабель неуверенно подошла к О’Брайену и робко улыбнулась Розе.

– Спасибо. Я буду очень осторожна. Я еще никогда не видела щенков.

Роза взяла у О’Брайена щенка и протянула его Изабель.

– Держи крепко, но старайся прижимать не слишком сильно. Обращайся с ним так же, как с человеческим младенцем. Покажи ему, что с тобой он в безопасности.

Изабель кивнула.

– Я понимаю.

Медленно и осторожно она взяла щенка и прижала его к груди. Зора увидела, как Изабель смотрит на щенка, а он, задрвав голову, вглядывается в ее лицо. Он приподнялся у нее на руках, поставив крошечные лапы ей на грудь, а потом уткнулся носом Изабель в подбородок, обнюхал ее и принялся облизывать. Изабель захихикала.

Зора огляделась и обнаружила, что все вокруг наблюдают за Изабель. На лицах у некоторых Землеступов она увидела отвращение, но в основном это было любопытство и даже зависть. Она мысленно пожала плечами: «Что ж, это детеныши, а перед детенышами всегда трудно устоять».

Зора вернула девочку О'Брайену, но перед этим еще раз погладила ее по шелковистой черной шерстке и заглянула в ее ясные счастливые глаза.

– Как твои ожоги, Роза? После геля алоэ, что я нанесла, стало полегче? – спросила Зора. С больными она чувствовала себя куда уверенней, чем с щенками.

Роза кивнула.

– Да. Спасибо тебе.

– Хорошо. Значит, Лидии тоже должно полегчать. – Она повысила голос и объявила: – Привал окончен. До родильной норы уже совсем недалеко. Следующая остановка – ночлег.

– Ты не против, если я поношу щенка еще немного? – спросила Изабель Розу. – Я пойду рядом с тобой и О'Брайеном, если можно.

Роза кивнула.

– Почему бы и нет. Только покажи его сперва Фале, чтобы она знала, что он в безопасности.

– Конечно, – отозвалась Изабель и, осторожно поддерживая щенка, опустилась на корточки и робко обратилась к терьерихе:

– Здравствуй, матушка. Я бы хотела понести твоего щенка. Даю слово, я буду осторожна.

Она вытянула щенка на руках, чтобы Фала могла его обнюхать. Та немедленно это сделала, а потом, к удивлению Зоры, обнюхала и Изабель. Изабель замерла – кажется, она даже перестала дышать. Затем черная терьериха лизнула Иза-

бель руку, твякнула и потрусила к Розе.

– Я справилась? – спросила Изабель.

Роза улыбнулась.

– Да. Фала доверила тебе своего щенка.

– Я не подведу! Обещаю, со мной он будет в безопасности.

– Я помогу Саре и Лидии подняться, – сказала Зора и обратилась к одной из пожилых женщин, которая должна была знать дорогу к родильной норе. – Янкита, веди нас, пожалуйста.

Янкита почтительно поклонилась Зоре. Женщина двигалась с трудом – как и многие из них. Несколько человек непрерывно кашляли, и Зора, кажется, в тысячный раз за этот день пожалела, что с ними нет Мари. Мари бы поняла, почему они кашляют: из-за того ли, что их иммунная система надорвалась, как у Зоры, и они заболели, или из-за того, что дым повредил им легкие. А может, они кашляют, потому что слишком долго пробыли в Канале и теперь рискуют заработать пневмонию?

Стараясь сохранять спокойное выражение лица, Зора помогла девушкам подняться. Сестры были слабы, и состояние их неуклонно ухудшалось. Ожоги Лидии были серьезны – даже хуже, чем раны на спине Розы. Зора, не скупясь, смазала гелем алоэ уродливые сочащиеся волдыри, но больше она ничего сделать не могла – сперва нужно было добраться до норы. Второй сестре, Саре, нужно было наложить шину; кроме того, ей требовалось болеутоляющее средство и хоро-

ший долгий сон.

«Нам всем нужен хороший долгий сон», – подумала Зора и отвернулась в приступе кашля, одновременно почесывая локоть. Она вытерла рот и окинула взглядом их разношерстную компанию. Два других Псобрата, Шена и О’Брайен, отделались мелкими травмами. Но ведь они *Псобратья* и скоро они узнают, где расположена родильная нора Клана плетельщиков. *Мари, о чем ты думала, когда позволила им пойти с нами?* Зора вздохнула. Она знала, о чем думала Мари. Она была целительницей, как и ее мать. Потребность помогать была у Мари в крови.

– Дальше поведу я. Спасибо, Янкита, – Зора коснулась руки женщины, и та отошла к остальным. Зора обернулась, прокашлялась и повысила голос, чтобы ее слышали все. – Сейчас мы пойдем быстрее. Я понимаю, что вам будет тяжело за мной поспеть, но солнце садится, а оставаться в лесу после заката нельзя.

Землеступы и Псобратья мрачно прибавили шаг, хромая и спотыкаясь, но стараясь не отставать.

Зора сосредоточилась на тропе перед собой и на том, как ее раздражало собственное состояние. У нее пекло глаза. Болел живот. И, что самое неприятное, стянутая кожа горела и чесалась. Богиня, как же она *ненавидит* болеть!

– Ты что, злишься?

Зора подпрыгнула.

– Прости, – добавил О’Брайен поспешно, – я не хотел тебя

напугать.

– Я просто не знала, что ты так близко. Я была уверена, что услышу тебя и твой детский сад издалека. – Она наклонила голову, изучая его. – Ты собачья повитуха?

О’Брайен расхохотался, отчего щенки у него под рубашкой испуганно завозились, и ему пришлось успокаивать их, прежде чем ответить.

– Нет, ничего подобного. Я просто Псобрат, а собаки для нас очень важны – особенно щенки, которые еще не могут за себя постоять.

– О... Пожалуй, в этом есть смысл... – Она помолчала и добавила: – И я не злюсь. Я больна, а это ужасно раздражает. И еще я беспокоюсь, – сказала Зора и сама удивилась, почему ей вдруг захотелось что-то объяснять этому Псобрату.

– О чем?

Она фыркнула.

– Давай посмотрим. – Она поднесла к лицу руку, загибая пальцы. – Лес горит. Со мной целая куча раненых – и некоторые из них ранены очень серьезно. Я понятия не имею, когда вернется Мари и вернется ли она вообще. В родильной норе нет нужных медикаментов. В родильной норе нет еды. А еще я веду врагов в сердце нашего Клана. Есть, конечно, и более мелкие проблемы, но эти, пожалуй, основные.

– Хочешь понести щенка?

Зора всмотрелась в лицо О’Брайена и второй раз задумалась, не дурачок ли он.

– С чего бы мне хотеть нести щенка?

Он с озорным видом улыбнулся.

– С чего бы тебе *не хотеть* нести щенка?

Прежде чем она успела возразить, он вытащил одного щенка из-под рубашки и вручил его Зоре.

Она взяла щенка и, когда тот уставился на нее блестящими черными глазками, поняла, что это та самая девочка, которую она уже держала.

– Ты вернулась, – сказала она щенку.

Маленькая терьериха открыла рот и радостно запищала, а потом неуклюже повалилась на спину, толстым животом вверх. Зора, недоуменно подняв бровь, посмотрела на О'Брайена.

– Щенкам нравится, когда им чешут животики.

– О! Гм, ладно...

Зора уставилась на щенка. Тот уютно устроился у нее на сгибе локтя, раскинув лапы в стороны. Зора неуверенно вытянула указательный палец и осторожно почесала мягкое пухлое пузо.

Девочка завиляла своим крошечным хвостиком так отчаянно, что все ее тельце заерзало, и довольно запыхтела. Зора не смогла сдержать улыбки. Она провела пальцем до щенячьей груди, наслаждаясь мягким теплом черного меха.

– Ой, смотри! Я думала, она вся черная, а у нее на груди белое пятно. Похоже на полумесяц, – сказала Зора, обводя светлое пятнышко пальцем.

О'Брайен заглянул ей через плечо, и его приятное лицо расплылось в восторженной улыбке.

– Я и не заметил. Я тоже думал, что все щенки черные, но, оказывается, эта девочка особенная.

– Особенная?

О'Брайен кивнул.

– Считается, что Солнце особенно благосклонно к темным щенкам со светлыми пятнами. В Племени таких щенков называют солнечными. Мы верим, что это знак, предрекающий величие. – Он почесал девочку под подбородком. – Эту малышку ждет удивительная судьба.

– Солнечная, значит? Хорошее имя.

– Это не *настоящее* ее имя. Настоящее мы не узнаем, пока она не выберет себе спутника.

– Для меня она всегда будет Солнечной.

Щенок отчаянно зевнул и завозился, устраиваясь на руке поудобнее, а потом сунул мордочку Зоре под мышку и мгновенно заснул.

– Она спит. Снова. С ней что-то не так? – прошептала Зора, не желая тревожить Розу.

– Нет, все в порядке. Щенки много спят. На самом деле это большое благо, потому что, когда они не спят, они ищут себе неприятностей, а это утомляет.

– Можешь мне не рассказывать. Я живу с Мари и ее чудичесем. Ты знал, что Ригель слопает веник и закусит камнями, если его не остановить?

– Вот поэтому я и говорю, что это благо. Когда молодые псы бодрствуют, они занимаются вещами, которыми им не следует заниматься.

– И свежеиспеченный хлеб тоже сожрет, если за ним не следить. Он наловчился ходить совсем тихо, когда думает, что я не смотрю, – пожаловалась Зора.

– Не забывай, что они так же умны, как и мы – только по-своему.

– Да ну? – Она опустила глаза на мягкое теплое создание, доверчиво посапывающее у нее на руке. – Они настолько умные?

– Да. В некотором смысле они даже умнее людей. Они слышат запахи, которых не слышим мы, и способны отличать их друг от друга, даже когда они перемешаны.

– Хочешь сказать, Ригель может определить, из каких ингредиентов я смешала мазь?

– Запросто.

– Хм. Любопытно. Когда Мари вернется, надо будет обсудить с ней, как бы занять его делом. Я хочу сказать, если он может определить состав мази, то сможет и отыскать ингредиенты для меня или Мари? – сказала Зора, рассеянно поглаживая спящего щенка.

– Вполне. Но терьер справится с этим еще лучше. Они Охотники и привыкли полагаться на нюх даже больше овчарок.

– Не понимаю, как такие огромные псы могут жить с ва-

ми на деревьях. Посмотри на Капитана, – Зора кивнула на Капитана и Шену, шагающих рядом с Лидией и Сарой. – Он же здоровенный. Как же он карабкается по деревьям?

О’Брайен подавил смешок. В глазах его плескалось веселье, и он явно получал удовольствие, рассказывая Зоре о жизни в Племени.

– Нашим собакам не нужно карабкаться. Племя разработало систему подъемников, так что карабкаться не нужно вообще никому. И потом, у нас по всему городу веревки и блоки. Спускаться дюльфером с собакой, привязанной ремнями к спине, проще, чем можно подумать, – даже если это взрослая овчарка.

– Дюльфером? Я и слова-то такого не знаю.

– Это быстрый способ спуститься и подняться – но в основном спуститься – из города. Объяснить сложно, проще увидеть это своими глазами. Если хочешь, я тебе как-нибудь покажу.

Зора встретила его взгляд.

– Ноги моей не будет в вашем городе. Никогда.

Неизменная улыбка сползла с лица О’Брайена, как жир с горячей свечи.

– Вообще говоря, показать можно где угодно. Нужен только моток надежной толстой веревки и якорь. Я легко могу устроить демонстрацию. Это будет не совсем то, что в городе, но ты, по крайней мере, поймешь, что я имею в виду.

Зора отчаянно жалела, что из-за нее с его лица пропала

улыбка, – и злилась на себя за то, что ей вообще было дело до настроения Псобрата.

– Сомневаюсь, что вы пробудете с нами достаточно долго, чтобы что-то мне показывать, – сказала Зора. – На, забери ее. Мне нужно проверить остальных.

Отдавать щенка ей вовсе не хотелось, но она заставила себя это сделать, хотя малышка скулила и, кажется, даже пыталась сопротивляться, когда ее разлучили с Зорой.

– Надеюсь, она улучшила тебе настроение. Пусть даже самую малость, – сказал О’Брайен, и в уголках его губ снова заиграла улыбка. – У нас говорят, что щенки – это лекарство для души.

Вдалеке прогремел гром, а в следующую секунду небо разверзлось и на них хлынул ливень.

– Хвала Солнцу! – В голосе О’Брайена звучало благоговение.

– Дождь поможет потушить пожар, но раненым легче не станет, – сказала Зора.

– Ты всегда такая пессимистка?

– Я не пессимистка. Я говорю как есть.

Зора собиралась сообщить О’Брайену, что по сравнению с Мари она неисправимая оптимистка, но ее прервал громкий шорох в кустах.

На тропу перед ними вывалился Землеступ. При виде мужчины Зора ахнула. Он был покрыт грязью, засохшей кровью и странными ранами. Он поднял глаза и уставился

на Зору искаженным болью взглядом.

– Жрица Луны. Помогите.

Он упал на колени, продолжая с мольбой смотреть на Зору.

О’Брайен не мешкал ни секунды. Он повернулся к Зоре, сунул ей щенков и, задвинув ее себе за спину, сорвал с пояса длинный нож.

– Убирайся, или я тебя убью!

Зора не знала, что потрясло ее больше: то, что милый улыбчивый О’Брайен вдруг превратился в кровожадного Псобрата, или что Землеступ, который молил ее о помощи, был Джексомом – тем самым юношей, что напал на нее и пытался изнасиловать каких-то два дня назад.

– Я его знаю, – сказала Зора и положила руку на плечо О’Брайена. – Не причиняй ему вреда. По крайней мере, пока.

За спиной Зора почувствовала какое-то движение, и к ним с О’Брайеном присоединились Шена с рычащим Капитаном и Роза с маленькой Фалой, которая рычала не менее грозно. Обе женщины тоже держали наготове ножи.

Времени на размышления не было.

– Возьми их! – Она передала щенков Розе и обратилась к Шене и О’Брайену: – Держитесь рядом со мной. Возможно, он опасен из-за своей болезни, но это мой старый друг.

Зора приблизилась к Джексому.

Юноша бессильно уронил голову. Он тяжело дышал; Зора видела, как он дрожит.

– Джексом, ты меня узнаешь?

Он медленно поднял голову и сморгнул с глаз пот и слезы.

– Зора, – проскрежетал он. – Жрица Луны. Помоги мне.

Зора всмотрелась ему в лицо. В его глазах она увидела боль и замешательство – но ни капли того безумия, которое горело в них, когда он и еще двое Землеступов на нее напали. Это был не ее Джексом, не тот юноша, которого она почти выбрала себе в пару, но и на чудовище он был не похож.

– Ты можешь идти? – спросила она его.

– Попытаюсь.

– «Попытаться» мало. Впрочем, тут недалеко. – Она открыла внешний карман своей сумки и, вытащив моток крепкой пеньковой веревки, твердо взглянула ему в глаза. – Я тебе помогу, но сначала я свяжу тебе руки, а другой конец веревки возьмет этот Псобрат. Проявишь агрессию, Джексом, – и я позволю ему тебя убить.

– Я понима... – начал Джексом и вдруг страшно затрясся, закатив глаза так, что стали видны одни белки, и потерял сознание.

Зора вздохнула, подошла к Джексому и пощупала пульс – быстрый, слишком быстрый.

– Разумно ли брать его с собой? Самцы всегда агрессивны, – сказала Шена.

– Вовсе нет, – возразила Зора, связывая ему запястья. – Они агрессивны только ночью, да и тогда агрессия направлена на них самих – если только не пытаться их убить или взять

в рабство их родных. – Она закончила связывать Джексома и повернулась к трем хмуро наблюдающим за ней Псобратьям. – Его зовут Джексом. Он ранен и болен, и его не лечили уже много дней. Я ему помогу – *мы* ему поможем.

– Но он без сознания. Как же он пойдет с нами? – спросил О’Брайен.

Зора изогнула бровь.

– Ты ведь сам сказал, что тащить взрослую овчарку на спине проще, чем кажется. Сомневаюсь, что Джексом весит намного больше Капитана.

– Да, но... – начал О’Брайен.

– Или силенок не хватит? – ухмыльнулась Зора.

– Хватит, – торопливо сказал О’Брайен.

– Как я и думала. – Зора кинула О’Брайену конец веревки и обратилась к остальным: – Мы почти дома. Давайте спрячемся от дождя!

8

Верный Глаз мерил шагами балкон Богини с тех пор, как Голубка разбудила его на рассвете. Она почувствовала, как переменился ветер, принесся с собой едва уловимый запах гари. Как и всегда, он был ее глазами. Как и всегда, она оказалась права – что-то происходило.

Их мир менялся навсегда.

Город в облаках, где обитало Древесное Племя, горел.

Верному Глазу не терпелось созвать самых молодых и здоровых Сборщиков и отправиться в горящий город, чтобы отвоевать его для себя и своего Народа.

По спине у него пробежал зловещий холодок. Верный Глаз обернулся, задрал голову.

Гигантская медная статуя – Богиня-Жница, Та, кому поклонялся Народ, – нависала над ним. Если бы Жница встала, то возвышалась бы над землей на пятьдесят футов. Здесь, на своем балконе, Она стояла на коленях и протягивала одну руку вниз, к своему Народу, а в другой сжимала страшное копьё с тремя зубцами.

Она воплощала все, что было присуще Богу: она была могущественна, внушала страх и вершила правосудие быстро и без жалости.

Верный Глаз встретил ее безжизненный взгляд, и странное зловещее чувство отступило.

– Когда-нибудь они узнают правду – что ты не Богиня, а просто статуя, созданная теми, кто давно уже рассыпался в прах. Ты мертва, как они, мертва, как этот Город.

Он отвернулся от статуи и снова устремил взгляд к далекому склону и зловещим облакам, которые поднимались от леса, словно подчиняясь ритму зловещего барабанного боя.

Он оставался на балконе весь день, издали наблюдая за гибелью города, который давно уже заполнял его мечты, и, прислушиваясь к приближающимся раскатам грома, размышлял... размышлял о своем будущем, о будущем Голубки, о будущем его Народа. Несмотря на их нелепое преклонение перед статуей, они с Голубкой выведут их из этого оскверненного ядом Города под безопасную сень прекрасных деревьев, не тронутых болезнью.

Но сначала им нужно разобраться с Другими.

За несколько часов до заката зарядил дождь, и когда по холодному металлу статуи забарабанили первые капли, он понял, что его терпение подошло к концу. Не успел он принять решение, как Голубка, словно читая его мысли, заговорила из глубины покоев Богини, и ее голос, нежный и чистый, как дождь, зажурчал вокруг него.

– Любимый, со мной говорила Богиня. Она требует передать Ее слова Заступнику, чтобы ты мог огласить их перед Народом.

Верный Глаз повернулся ко входу в Храм и покоям Богини, наслаждаясь открывшимся ему зрелищем.

Голубка стояла в центре покоев, окруженная молодыми здоровыми женщинами, которых называла Помощницами и набрала взамен Стражниц – больных себялюбивых старух, которые оскверняли Храм и поколениями выдавали себя за голос Богини.

Верный Глаз очистил Храм от этой заразы, пощадив одну Голубку, которая все свои шестнадцать зим жила, притворяясь Оракулом Богини. После очищения Храма они с Голубкой остались единственными, кто знал правду, что они сами были хозяевами своей судьбы, потому что Богиня-Жница была не живее старух, которых он выкинул с Ее балкона.

Голубка стояла среди своих Помощниц, лучась красотой. Как и ее Помощницы, одета она была в традиционное облачение слугителей Храма. Юные полные груди были обнажены, а кожа расписана узорами, каждый из которых повторялся трижды, подобно трем зубцам принадлежащего их Богине копья. Голубка постаралась, чтобы узор внушал страх и в то же время был приятен на вид. Из одежды на ней была лишь длинная юбка, расшитая волосами Других, которые когда-то были принесены в жертву. Он с удовольствием отметил, что Голубка украсила юбку еще и блестящими чешуйками и теперь выделялась среди своих Помощниц, одетых скромнее.

«Моя Голубка заслуживает всех украшений мира, но для того, чтобы выделиться, они ей не нужны», – подумал Верный Глаз, с удовольствием оглядывая свою любовницу.

– Что такое, любимый? – спросила она, и на ее гладком

лбу появилась тревожная складка.

– Все хорошо, мой Оракул, – заверил ее Верный Глаз. Он махнул рукой, и Помощницы, которые при его появлении присели в глубоких поклонах, выпрямились. – Но я хочу, чтобы ты велела своим Помощницам привести мне самых лучших, самых сильных наших Охотников и Сборщиков. Мне нужны Железный Кулак, Ловчий, Гром, Орлиный Глаз, Крот, Бунтарь, Стальное Сердце, Змей, Шутник и Полуночник, – перечислил Верный Глаз тех, на ком остановился после бессонной ночи и беспокойного дня.

– Лили, возьми кого-нибудь в помощь и сделай так, как велит твой Заступник, – обратилась Голубка к юной Помощнице, которой явно не терпелось услужить своей госпоже. – Найди этих людей и скажи им, что их ждут в Храме. – Она дважды хлопнула в ладоши, и Помощницы торопливо покинули спальню.

Верный Глаз подошел к ней, взял ее за локоть и повел через просторную комнату в ту часть покоев Богини, в которой они с Голубкой в стремлении к уединению обустроили себе спальню, отделив ее от остального Храма шкурами животных и украсив лозами и светильниками.

Помощницы, мимо которых они проходили, низко кланялись, выказывая уважение Голубке, Оракулу Богини, и почет Верному Глазу, Ее Заступнику. Поклонившись, девушки быстро выпрямлялись и возвращались к работе: покоям Богини требовалось вернуть их прежнее величие.

Верный Глаз приветствовал женщин легким движением головы. Они не представляли для него интереса, но облегчали жизнь Голубке – а все, что радовало Голубку, доставляло удовольствие и ему. Но сегодня, к удивлению Голубки, у него не было времени даже на это.

– Ты пойдешь в лес, в Город-на-Деревьях?

Голубка повернулась к нему, как только они добрались до своей уединенной спальни, и подняла на него нежное лицо. Верный Глаз ответил не сразу. Улучив момент, он впитывал ее красоту. У нее были длинные каштановые волосы, которые мягким водопадом спускались до пояса, не скрывая высокие налитые груди. Кожа у Голубки была безупречно гладкой, без единого нарыва, не шелушилась и не облазила. Ее полные губы изогнулись в знакомой улыбке, которой Верный Глаз теперь жаждал не меньше, чем прикосновений этих губ. Единственным ее недостатком было отсутствие глаз. На их месте зияли темные провалы.

Верный Глаз улыбнулся, хотя она, конечно, не могла этого видеть. Все в Голубке доставляло ему удовольствие, включая ее безглазое лицо. Узнав о рождении незрячей девочки, старухи-Стражницы забрали ее в Храм и вырастили как Оракула своей Богини-Жницы. И когда Верный Глаз провозгласил себя Заступником Богини, он взял под свое покровительство и Голубку.

И Голубка отвечала ему беззаветной преданностью.

– Любимый? Что-то не так?

Он прижал к себе ее хрупкое податливое тело.

– Нет, все хорошо.

– Дождь потушил пожар? – с интересом спросила она.

– Я не уверен, что пожар прекратился, но дым уже не такой густой.

– И теперь ты отправишься в лес к городу Других.

На этот раз это был не вопрос, но Верный Глаз все равно ответил:

– Да, но больше не зови его городом Других. Скоро, моя драгоценная, он станет *нашим* городом.

– Нужно подумать, как рассказать об этом Народу. Они не захотят уходить туда, куда за ними не последует Богиня.

Верный Глаз фыркнул.

– Знали бы они правду.

– Терпение, о мой Заступник. Всему свое время.

– Впрочем, ты права. Они не захотят покидать Город, хотя его отравляющие поколениями убивают наш Народ, – сказал Верный Глаз и погладил ее по волосам, замороженный их мягкостью.

– Раз так, сперва очисти их от яда, который отравляет Город, чтобы они узрели правду, как узрели ее мы, – предложила Голубка.

Верный Глаз нагнулся и поцеловал ее.

– Ну конечно! Ты права. Я не стану говорить им, что мы идем в лес, чтобы завоевать земли, которых заслуживаем.

– Что же ты им скажешь, любимый?

– Что мы пойдем на охоту. А после охоты я устрою жатву и смогу приступить к исцелению Народа.

– А когда Народ исцелится, он пойдет за тобой из Города в лес, – подхватила Голубка.

– Мы будем жить среди деревьев. Мы подчиним Других и навсегда покинем это отравленное смертью место, – сказал Верный Глаз. – И тогда мы с тобой уподобимся самим богам!

– Так и будет. – Пальцы Голубки заскользили по его мощным рукам к плечам. Она задумчиво склонила голову набок – это движение всегда очаровывало Верного Глаза. – Любимый, я чувствую, что твое тело изменилось.

– Я тоже это чувствую. Я ждал, когда ты решишься об этом заговорить.

Она продолжала нежно касаться руками его кожи.

– Плечи стали шире. А руки толще.

– И это еще не все.

Он наклонился, чтобы она могла провести рукой от плеч к затылку.

Она ахнула, поглаживая странный мех, который начал пробиваться у него на шее, – густой и мягкий, как у оленя.

– Что это такое?

– Проведи рукой по позвоночнику.

Ладонь Голубки скользнула по его спине.

– Он разрастается по спине! Что это такое? – повторила она.

Верный Глаз с удовлетворением отметил, что она скорее

зачарована, чем напугана произошедшими с ним переменами. Если Голубка когда-нибудь от него отвернется... нет. Верный Глаз не мог заставить себя закончить эту мысль.

– Это дар оленя, чью плоть я соединил со своей. Его дух живет во мне, придает мне сил, вытягивает из меня яд Города – изменяет меня. Не бойся. Пусть эти перемены тебя не пугают, – сказал он, изучая ее безглазое лицо и пытаясь понять, что именно она чувствует.

– О мой Заступник! Я никогда не буду тебя бояться!

– Значит, ты принимаешь дар оленя?

– Какие бы перемены с тобой ни произошли, я приму их, потому что ты моя судьба, ты мой Заступник – и ты всегда будешь моим героем. Кем бы ты ни стал, я приму его, потому что он – это *ты*.

От облегчения у Верного Глаза подкосились ноги, и, упав на колени, он обхватил ее руками и уткнулся лицом в изгиб ее талии. Она поглаживала его по спине и плечам, постепенно поднимаясь к густым светлым волосам, которые он завязывал в хвост кожаным шнурком.

Вдруг руки ее замерли.

Верный Глаз затаил дыхание. Он знал, что заставило ее остановиться.

– Рога? – прошептала она.

Он кивнул, не отнимая лица от ее живота.

– Рога оленя.

Голубка не колебалась ни секунды. Она поцеловала его –

по одному поцелую на каждый из двух маленьких заостренных рогов, которые начали расти у него над ушами.

Верный Глаз облегченно выдохнул. *Она принимает меня и таким!*

– О мой Заступник, ты великий предводитель, в котором сочетаются мудрость человека и сила оленя. Куда бы ты ни пошел, за тобой последует твой Народ, – сказала Голубка, продолжая поглаживать его по голове. – Куда бы ты ни пошел, за тобой последую я.

– Все начнется сегодня! – С силой и резвостью оленя Верный Глаз подхватил ее на руки и понес на плотный тюфяк, служивший им ложем. – Но сперва я должен получить благословение Оракула.

Мягкие, понимающие руки Голубки скользнули ниже.

– Я с радостью предлагаю его тебе – как предлагаю себя. Богиня мертва, но будущее нашего Народа живет в тебе, мой Заступник.

Верный Глаз хотел сказать ей, что ее красота несравнима ни с чем, что она его жизнь и дыхание, что она заставила его *хотеть* стать Заступником своего Народа, – но ее жадные губы накрыли его рот, и кровь зашумела в его теле так, что он застонал от наслаждения, и единственным словом, которое он смог произнести, было ее имя, и он выкрикивал это имя снова и снова.

Дождь все так же лил, когда Верный Глаз повел десять самых сильных и храбрых своих людей на окраину Города.

Небольшой отряд не горел энтузиазмом и бросал на буйные заросли нервные взгляды. Охотник по имени Ловчий решился заговорить первым:

– Ты хочешь, чтобы мы вошли в горящий лес, Заступник? Я не смею оспаривать твое решение... – Он замолчал и низко поклонился, коснувшись руками земли в знак величайшего уважения, но, когда он поднял голову, Верный Глаз заметил, что Ловчий старательно избегает его взгляда. – Я только хочу знать, что за охоту ты задумал. Мы будем ловить Других, которые бегут от огня?

Верный Глаз выждал несколько секунд, прежде чем позволить Ловчему выпрямиться. Он обратил внимание, что остальные мужчины держатся осторожнее. Они молчали, ожидая ответа Верного Глаза.

Верный Глаз понимал, почему Ловчий боится леса. У себя в Городе Охотники и Сборщики были как дома. Они знали в нем каждый угол как на поверхности, так и под развалинами зданий и обломками странных железных конструкций. Но отношение Ловчего неуловимо отличалось от сдержанного уважения, которое он чувствовал в остальных. *Об этом стоит поразмыслить.*

– Сегодня мы не будем охотиться на Других. – Верный Глаз говорил короткими рублеными фразами. – Мы будем охотиться на жертвенных животных. У меня есть планы на Других. Большие планы. Но не сегодня. Сегодня мы войдем в лес и поднимемся на холм.

Верный Глаз не стал ждать новых вопросов и, развернувшись, пустился бегом к Лесному парку – так Народ называл холмистую часть Города на северо-западе. Держась северной тропы, Верный Глаз поднимался все выше, направляясь к самой высокой части Лесного парка и ущелью, разделявшему Город и горный хребет, на котором Другие выстроили свой небесный город, и с каждым движением он наслаждался силой своего тела. Он не знал усталости. Он не перелезал через поваленные деревья и затопленные дождевой водой канавы, а с легкостью перепрыгивал через них, ускоряясь перед очередным препятствием, чтобы проверить, может ли он бежать еще быстрее и прыгать еще выше.

И он мог.

Верный Глаз понял, что только начал открывать для себя свои новые способности.

Он добрался до вершины гораздо быстрее остальных и теперь, глубоко, но без усилий вдыхая прохладный воздух, стоял на краю кривого ущелья, отделяющего Лесной парк от горного хребта и Города-на-Деревьях.

Огонь погас, но разрушения, которые потерпел Город-на-Деревьях, поражали воображение. С высоты холма Верный

Глаз видел, что город еще дымится. Можно было подумать, что какой-то великан – или, возможно, бог – взял горящий факел и протащил его по лесу, оставляя за собой мертвую черную полосу.

– Больше половины, – пробормотал он себе под нос. – Больше половины города сгорело. Возможно, больше половины Племена погибло вместе с ним. – На его лице мелькнуло что-то звериное. – Это почти уравнивает наши шансы.

Сборщик по имени Железный Кулак присоединился к нему первым. Задыхаясь, он взобрался на последний холм и, утерев лоб от пота, подошел к Верному Глазу. Приблизившись, Сборщик низко поклонился, коснувшись земли, прежде чем заговорить.

– Я вижу в тебе могучего оленя, Заступник! – задыхаясь, выпалил он, не поднимая лица от земли.

– Можешь встать, – сказал Верный Глаз. Остальные тяжело подтянулись к ним. – Железный Кулак, расскажи мне, что еще ты видишь.

– Я вижу, что твоя кожа здорова. Я вижу, что ты с каждым днем становишься все сильнее. Я вижу, что ты подобен богу!

Верный Глаз с улыбкой слушал Железного Кулака, когда из отряда, прихрамывая и хватаясь за бок, выступил Ловчий.

– Называть Заступника, да и кого угодно, кроме Жницы, богом – это богохульство!

– Но все мы видим, что его коснулась рука Жницы! Его кожа исцелилась. Он стал силен, как могучий лесной олень, –

настаивал Железный Кулак.

– Но законы предков запрещают Народу иметь больше одного бога, – не сдавался Ловчий.

– И все же Богиня четко дала понять, что благоволит ему, когда исцелила его раны, сделала своим Заступником и свела со своим Оракулом, – добавил другой Сборщик по имени Гром.

– Законы предков запрещают иметь больше одного бога, – упрямо повторил Ловчий.

Верный Глаз заметил, что Ловчий, обращаясь к остальным, почти не смотрит на него, словно его здесь нет. *Как интересно.*

– Но Оракул обещала нам перемены. Больных старух сменили юные цветущие Помощницы, а гниющая плоть нашего Заступника сменилась новой здоровой кожей, – сказал Охотник по имени Орлиный Глаз и почтительно поклонился Заступнику.

– И то верно! – подхватил другой Охотник, Змей. – Ему покровительствует Богиня. Как по мне, это законам предков не противоречит.

– Верно!

– Да!

Остальные мужчины согласно бормотали, нервно поглядывая на Ловчего и почтительно кланяясь Заступнику. Затем они замолчали, ожидая, когда Заступник заговорит.

Верный Глаз не стал ничего говорить. Он решил, что по-

ступки скажут больше и останутся в памяти надолго.

С быстротой лесного зверя Верный Глаз нагнул голову и бросился на Ловчего. Одним стремительным движением он выхватил из ножен на поясе трехзубый клинок и вонзил его в самую мягкую часть живота Ловчего с такой силой, что его рука погрузилась в теплую влажную плоть, пробив в потрохах Охотника дыру размером с кулак. Ловчий завопил от изумления и боли, и Верный Глаз отшвырнул его назад так, что Охотник, лишившись почвы под ногами, на секунду завис над ущельем, а потом Верный Глаз с жутким хлюпающим звуком выдернул из Ловчего кулак, и тот рухнул в пропасть навстречу своей гибели.

Верный Глаз вытер окровавленную руку о свою обнаженную грудь, добавив алый росчерк к жирным тройным узорам, которыми расписали его кожу Помощницы Голубки. После этого он медленно повернулся к остальным.

Все как один они упали перед ним на колени, уткнувшись лицами в землю.

– Кто-то еще хочет оспорить мою власть? – проревел он, чувствуя, как шумит в его жилах горячая кровь могучего оленя.

Железный Кулак вскинул голову.

– Никогда, Заступник! Я пойду за тобой, как пошел бы за самой Жницей, спустись Она со своего балкона.

– А остальные?

Оставшиеся восемь мужчин подняли головы медленнее,

но ни один не колебался с ответом ни секунды.

– Железный Кулак сказал то, что думаю я, – сказал Змей. – Я пойду за тобой, как пошел бы за самой Богиней.

– И я! И я тоже! – подхватили остальные.

– Вы видите во мне Бога?

Прежде чем ответить Заступнику, Железный Кулак переглянулся с остальными.

– Видим. Скажи своим Сборщикам и Охотникам, чего ты желаешь, и мы подчинимся. Мы пойдем за тобой.

Верный Глаз хотел поправить Сборщика. Он действительно собирался это сделать. Он не хотел, чтобы ему поклонялись, как богу: он как никто другой знал, чего стоит поклонение ложному божеству. Он лишь хотел исцелить свой умирающий народ и помочь ему начать новую жизнь. Но когда он открыл рот, чтобы сказать Железному Кулаку, что он лишь Заступник Народа, а не сам Бог, то обнаружил, что не может произнести ни слова. Как ни старался Верный Глаз, заговорить он не мог. Но когда он посмотрел на Железного Кулака и остальных своих коленопреклоненных спутников, ждущих его приказов, внутри него что-то шевельнулось. Их покорность приносила ему не меньше удовольствия, чем принесла смерть Ловчего.

В сознании Верного Глаза проплыла неуловимая, как туман, мысль:

Возьми то, что тебе причитается.

– Сборщики и Охотники! Сегодня я желаю, чтобы вы при-

няли дар, который я вручу вам в благодарность за вашу клятву верности. Встаньте. Настал час охоты.

Они поднялись.

– Но не все из нас Охотники. Мы всего лишь Сборщики, – сказал Железный Кулак.

Новообретенная сила кипела в груди Верного Глаза, когда он ответил:

– Не бойтесь ни своей слабости, ни леса. Вы *были* Сборщиками и Охотниками. К концу этого дня вы все станете Жнецами, а я – вашим Богом! Таково мое слово!

* * *

Усилием воли заставляя себя сдерживать шаг, чтобы остальные не отстали от него слишком сильно, Верный Глаз начал спускаться в ущелье. Сегодняшний дождь стал первым за несколько недель, и поток, бегущий по дну расселины, измельчал, благодаря чему они без труда смогли перейти на другую сторону. Как и предполагал Верный Глаз, долго ждать им не пришлось: совсем скоро у ручья показались лесные обитатели, которых пожар гнал к воде.

В основном это были мелкие звери: мимо них вдоль воды бежали кролики и крысы, белки и мыши. Так и должно быть. Крупные животные встречались редко, в особенности так близко от Города.

Верный Глаз молча сидел в укрытии, наспех сооруженном

его людьми, и ждал знака.

Знак пришел раньше, чем он думал.

Кабан был огромным, рыжим, с крепким морщинистым рылом и двумя парами острых клыков – верхние, загнутые, были поменьше, а длинные и острые нижние – побольше. Грудная клетка шириной своей напоминала броню. Кабан вошел в ручей и опустил могучую голову в воду, плескаясь и похрюкивая от удовольствия. Верный Глаз был так близко, что чувствовал исходящий от зверя резкий запах зрелого самца. Кабан фыркнул и отряхнулся, веером разбрызгивая вокруг себя воду. Затем он потрусил через ручей, обходя камни и коряги. Казалось, он пройдет так близко от того места, где прятались Верный Глаз и его Жнецы, что его можно будет коснуться рукой.

Кабан выбрался на берег. Он остановился и поднял тяжелую голову, повернувшись так, что его золотистый глаз уставился прямо на Верного Глаза. Кабан застыл, темный зрачок его расширился, и Верный Глаз увидел в нем собственное отражение. Затем кабан медленно, почти неуловимым движением опустил морду к земле.

– Ждите здесь, пока я вас не позову, – шепнул Верный Глаз своим людям.

И выступил из укрытия.

Кабан отреагировал мгновенно. Он замер, вздыбив шерсть так высоко, что вдоль хребта у него словно выросли шипы. Потом он начал покачивать могучей головой из

стороны в сторону и, брызжа слюной, скрежетать нижними клыками об острые, как бритва, верхние резцы. Он смотрел на Верного Глаза, и его умные глаза сверкали злобой.

Верный Глаз понял, что кабан собирается атаковать, и приготовился к бою. Но вместо того чтобы достать свой смертоносный трезубец, он сбросил с плеча моток прочной пеньковой веревки и встряхнул ее, чтобы расправить петлю на конце.

С низким свирепым рычанием кабан бросился вперед.

Верный Глаз планировал оставаться на месте до последнего, а потом накинуть на кабана петлю, повалить его на землю и обездвижить при помощи охотничьего узла.

Но вид несущегося к нему кабана пробудил зверя внутри Верного Глаза. *Бейся! Победи! Убей!* Слова пронеслись в голове Верного Глаза, наполняя его тело горячей кровью яростного лесного создания.

Олень внутри него низко заревел, принимая вызов. Верный Глаз наклонил голову и побежал на кабана, взрывая ногами растущий на берегу ручья мох.

Все произошло так быстро, что впоследствии Верный Глаз был рад песням, которые сложил Народ в память о его столкновении с вепрем: лишь благодаря им он мог вновь переживать это событие, наслаждаясь каждой его секундой.

Он полностью отдался инстинктам, позволив могучему оленю наполнить его сверхъестественной силой и скоростью. Они встретились, и Верный Глаз прыгнул и изогнулся в по-

лете, обхватив одной рукой гигантскую кабанью шею, а потом приземлился прямо на спину беснующегося зверя. Он вдавил ступни в мох, и кабан завизжал от ярости, выплясывая на месте, мотая головой и пытаясь впиться зубами ему в ногу. Но вместе зверь и человек были сильнее кабана. Верный Глаз оттянул назад гигантскую голову вепря, вынуждая его выгнуться дугой, и тот повалился на бок.

– Железный Кулак! Сюда!

Железный Кулак повиновался без промедлений, но Верный Глаз видел страх в его глазах, неотрывно следящих за дергающимся кабаном, – точно такой же страх исходил от восьмерых, нервно сгрудившихся за его спиной.

– Возьми веревку! Свяжи передние и задние ноги. Я придержу его за шею, чтобы он не проткнул тебя клыками.

И снова Железный Кулак, к удовольствию Верного Глаза, безоговорочно повиновался, быстро обездвигив кабана.

– А теперь каждый из вас срежет с его живота по три полоски кожи. Длинных, тонких полоски. И как можно скорее, – сказал Верный Глаз своему отряду.

Железный Кулак первым последовал его приказу. Новоявленный Жнец достал трезубец – такой же, как у Верного Глаза – и поднес его к обнаженному брюху кабана. Верный Глаз подвинулся, чтобы видеть глаз зверя.

Он ожидал, что животное будет визжать и биться от боли, как это бывало раньше. Но только не этот кабан. Понять, какую боль он испытывает, можно было лишь по тому, как тя-

жело он задышал и выкатил глаза. Он даже не дернулся, когда девять Жнецов тонким лезвием один за другим срезали с его живого тела полосы кожи. Кабан неотрывно смотрел на Верного Глаза, пока его тело слабело от потери крови. И в его угасающем взгляде Верный Глаз увидел, как ему поступить.

Заразив оленя, он сохранил ему жизнь и выпустил на территорию Древесного Племена. К кабану Верный Глаз должен быть милосерднее. Страдания оленя были необходимы и послужили его цели, распространив в Племени яд. Верный Глаз всегда будет чтить эту жертву. Но яд уже распространился, и Племя, еще не осознавая этого, уже пало жертвой замысла Верного Глаза.

С кабаном было иначе.

– Довольно, Жнецы, – обратился Верный Глаз к своим людям. – Я нанесу последний удар.

Железный Кулак и другие поклонились и, подхватив окровавленные лоскуты кожи кабана, отступили на несколько шагов. Верный Глаз, все так же не отводя взгляда от глаза кабана, потянулся свободной рукой за трезубцем на поясе. Он посильнее оттянул кабану голову, полностью оголив ему шею. Перед тем как перерезать зверю горло от уха до уха, он произнес слова, которые родились глубоко внутри, так глубоко, что он не узнал собственный голос, и на секунду ему показалось, что его тело уступило тому, что поднималось изнутри, и заняло место простого наблюдателя.

– Смерть призвала тебя. Я ценю твою жертву и прини-

маю ее, как принимаю твою силу и твой дух. Узри же милосердный удар Смерти!

Верный Глаз провел кинжалом по горлу кабана. Он ослабил хватку, чтобы шея вернулась в более естественное положение, но продолжал следить за тем, как жизнь вытекает из зверя вместе с хлынувшим из его горла красным потоком.

Когда все закончилось, Верный Глаз осторожно опустил голову кабана на мох и закрыл его невидящие глаза. Он стоял над животным, склонив голову в благодарности и чувствуя, как внутри у него бушуют эмоции. Он торжествовал. Он чувствовал себя могущественнее, чем когда-либо в своей жизни. Больше всего Верного Глаза тронула *смерть* кабана. Это была славная смерть.

Славная? Что славного в том, чтобы перерезать глотку кабану? Смутная мысль промелькнула в голове Верного Глаза, украдкой коснувшись сознания, но, когда он попытался ухватиться за нее, поймать ее – понять ее, – она ускользнула, сменившись мыслями о славной смерти кабана.

Смерть – это просто одна из составляющих жизни. Пожалуй, самая важная.

– Заступник, ты хочешь, чтобы мы соединили твою плоть с плотью кабана?

Голос Железного Кулака вырвал Верного Глаза из задумчивости, и он повернулся к Жнецу и стоящим за его спиной мужчинам. Изначально Верный Глаз намеревался отправиться в Город-на-Деревьях и понять, насколько сильно

ослабили Другие, чтобы затем выбрать для Народа оптимальный путь к новому будущему, но бунт Ловчего и принесение кабана в жертву изменили все. Верный Глаз знал, что Город-на-Деревьях будет принадлежать ему. Это было неизбежно. Но сейчас важнее было подготовить Народ к новой жизни, новому Племени, новому Богу.

– Ваш Заступник вложит плоть кабана в раны каждого из вас, а потом мы отнесем тушу Народу и устроим праздничный пир.

Железный Кулак и остальные упали перед ним на колени, почтительно опустив головы.

– Спасибо, Заступник. Мы с благодарностью принимаем твой дар.

Верный Глаз подошел к своим Жнецам, забрал у них окровавленные и еще теплые полоски плоти, нарезал их на тонкие ленты и вложил в отвратительные гнойные раны, которые паутиной расползались по коже.

– Могу я задать тебе вопрос, Заступник? – спросил Железный Кулак.

– Конечно, – откликнулся Верный Глаз, не отрываясь от работы. – Вы поклялись мне в верности. До тех пор, пока вы верны своей клятве, вы можете без страха задавать мне любые вопросы.

– Ты сказал, что сегодня у нас будет праздничный пир. Что мы празднуем?

– Пробуждение, – ответил Верный Глаз помимо собствен-

ной воли. Слово, которое у него вырвалось, исходило из глубин, в которых он уже не был Верным Глазом. Но эта странная, могущественная сила не испугала его. Он принял ее – и понял, что должен стать к ней еще ближе.

* * *

Разделав кабана и распределив между собой добычу, Верный Глаз и его люди вернулись к Храму, где их встретила радостная толпа. По пути домой Верный Глаз заметил, что тела Жнецов уже начали принимать звериную плоть и мужчины шагали куда бодрее, чем прежде, с легкостью взвалив на плечи части гигантской туши.

Ступив во двор Храма, Верный Глаз сбросил мясо на землю. Позабыв о Жнецах и даже о восторженном Народе, который чествовал его, поздравлял его, поклонялся ему, он устремил взгляд на балкон Богини, высматривая Голубку.

Вдоль ограждения балкона выстроились Помощницы. При их появлении все взгляды дружно обратились вверх.

По балкону прошла легкая рябь, и Помощницы переместились, пропуская вперед Голубку. Вокруг нее горели светильники, и оранжевые и желтые языки пламени отбрасывали на ее полуобнаженное тело странные, замысловатые тени, как будто темные провалы ее глаз сползли с лица и теперь перемещались по коже.

– Наш Заступник вернулся? – спросила она своим мяг-

ким, нежным голосом, который загадочным образом заполнил весь мир вокруг них.

– Да, мой Оракул! – откликнулся Верный Глаз. – Я вернулся с армией людей, рожденных заново. Отныне они не Сборщики и Охотники. Они Жнецы – могучие и неукротимые служители своего божества!

Голубка воздела руки к небу.

– Возрадуемся же вместе! – раздался ее ликующий крик. – Иди к своей Богине – и ко мне!

Его тело с готовностью откликнулось на ее призыв. Он не пытался сопротивляться, хотя понимал, что *не способен ей сопротивляться*. Люди расступились, открывая ему путь к Храму. Верный Глаз зашагал мимо них, гордо вскинув голову и наслаждаясь ощущением бурлящей в нем силы и желания, которое усиливалось по мере приближения к Голубке. Вместо того чтобы пройти через внутренний двор Храма и подняться по ветхим ступеням, он подобрался, прыгнул и, используя виноградные лозы и выщербленные плитки на внешней стене Храма, взобрался на самый верх, к балкону Богини, и заключил Голубку в объятия, страстно целуя ее под восторженный рев толпы. Растворившись в поцелуе, Верный Глаз едва успел заметить, как по руке, которую Богиня-Жница за их спинами протягивала к Народу, прошла рябь, а потом она чуть заметно сместилась и с нежностью, которую другие могли принять за игру теней на ее освещенной медной коже, заключила их с Голубкой в свои объятия.

Голубка, продолжая прижиматься к нему горячими губами, ахнула.

– Ты тоже это чувствуешь, драгоценная? – шепнул Верный Глаз. – Богиня шевельнулась!

Жадные губы Голубки прочертили дорожку по его шее к уху, и она прошептала слова, которые навсегда изменили их мир:

– Да, но я ахнула не поэтому. Я ахнула потому, что почувствовала бога *в тебе*.

Верный Глаз, опираясь на руку Жницы, потянул Голубку на себя. Он вскинул голову в небо и заревел, как олень, и в реве его звучали сила и страсть.

9

Никогда еще Мари не чувствовала себя такой усталой, мокрой и несчастной. Когда она тащила тело матери от Рачьего ручья, чтобы похоронить ее над их норой у статуи Великой Богини, она была обессилена и охвачена горем, но она, по крайней мере, чувствовала себя собой. Грустной и сломленной, но все той же Мари.

Сегодня все было иначе. Сегодня она призвала солнечный огонь и породила свирепое пламя, перед которым отступил даже лесной пожар. Сегодня Мари не знала, кто или *что* она такое.

Ригель заскулил, глядя на нее с такой тревогой, что Мари не нужна была никакая внутренняя связь, чтобы понять, что его беспокоит.

– Со мной все будет хорошо, – постаралась она заверить молодого пса, с трудом переставляя ноги и из последних сил сопротивляясь желанию осесть на землю. Но ее голос прозвучал странно и слабо – в точности так, как она себя чувствовала, – и Ригель залаял так панически, что Ник, который шел впереди, обернулся и заспешил к ней.

– Тебе нужно присесть?

Он смотрел на нее с той же тревогой, что и Ригель. Мари помотала головой и положила руку ему на плечо.

– Боюсь, если я присяду, то уже не встану.

Она хотела только пошутить, но, произнося эти слова, поняла вдруг, что это правда. Стоит ей только сесть – и, вполне возможно, она уже не поднимется.

– Прости, что заставляю тебя двигаться. Я знаю, как тебе тяжело. – Ник взял ее под руку. Лару подбежал к Мари и, обнюхав ее, ободряюще лизнул в ладонь.

– Мы вместе решили идти вдоль ущелья. Так получится дольше, но рядом с территорией свежевателей можно не опасаться, что мы наткнемся на кого-то из Племени, – сказала Мари.

Формулировать предложения было тяжело, но, произнося эти слова, она решила, что будет лучше, если она поделится тем, что у нее на душе, даже если придется потратить на это больше энергии, чем хотелось бы.

– И ведь сработало! Мы не видели никого, кроме бегущих от огня животных, – сказал Дэвис.

Все это время он шел за Мари, прикрывая их с тыла и периодически подстреливая мелкую дичь, но теперь тропа расширилась, и он зашагал рядом с Мари и Ником. Его терьер, Кэмми, подбежал к Ригелю и радостно засопел. Молодой пес обнюхал его и лизнул, после чего обе собаки дружно встряхнулись – впрочем, без особого результата, потому что дождь заканчиваться не спешил и их маленький отряд успел промокнуть до нитки.

– Кстати об этом: у нас сегодня будет пир! – Дэвис поднял повыше связку из полдюжины кроликов, которых они с

Кэмми наловили по пути.

– То-то Зора обрадуется. – Мари попыталась улыбнуться, но то, что ей удалось изобразить, скорее напоминало гримасу.

– Может, нам стоит отдохнуть? Совсем чуть-чуть. Мари, ты выглядишь...

– Ник, Мари! Вы должны это увидеть! – услышали они голос Антреса, и в следующую секунду наемник и рысь, не устающие поражать их своим сверхъестественным чувством направления, бесшумно вынырнули из леса.

– Увидеть что? – спросил Ник, но Антрес жестом велел ему молчать и махнул рукой, призывая их следовать за ним.

Мари собрала в кулак всю свою волю и побрела за Ником, Антресом и Дэвисом. Наемник привел их к устью ущелья, вдоль которого пролегал их путь, и они, следуя его примеру, пригнулись, укрывшись за валунами и папоротником. Антрес показал на ручей, бегущий по дну ущелья, но подсказки им и не требовались: происходящая внизу битва была отвратительной, невероятной, жестокой и громкой. *Очень громкой.*

Взгляд Мари быстро отыскал источник звука, но ей понадобилось несколько секунд, чтобы осознать, что именно она видит. Огромный мужчина с разрисованным телом сцепился с вепрем не менее чудовищных размеров. Вепрь хрюкал и визжал, а мужчина издавал странные ревушие звуки, напомнившие Мари оленя во время гона. Она сморщилась,

ожидая, что мужчина вот-вот погибнет страшной смертью от клыков разъяренного зверя. Но скоро она поняла, что неправильно оценила ситуацию. *Человек побеждал вепря – и побеждал с легкостью!*

Скоро все было кончено. Мужчина одолел зверя, подозвал несколько человек, которые прятались в укрытии, и те принялись связывать вепря.

– О Богиня, что они делают с бедным животным? – прошептала Мари.

– Это же свежеватели. – Ник говорил негромко, но Мари с легкостью расслышала в его голосе презрение. – Понятия не имею, что они делают. По-хорошему они должны выпотрошить его, обработать и унести в Город-Порт, но с этими чудовищами никогда не знаешь наверняка.

– Свежеватели, – тихо повторил Антрес. – Я о них слышал, но никогда раньше не встречал. Великий громовержец! Он что, живьем снимает с него шкуру?

– Так и есть, – кивнул Дэвис. – Мы думали, что они делают это только с людьми, но, когда несколько недель назад они схватили Тадеуса, он рассказал, что они пытались освежевать его терьера, Одиссея.

– Кажется, это и помогло ему сбежать? – спросил Ник. Дэвис кивнул.

– Тадеус сказал, что Одиссей поднял такой шум, когда они начали срезать с него шкуру, что ему удалось ускользнуть.

– А потом и Одиссей каким-то чудесным образом сбежал

и вернулся домой живой и относительно невредимый. – Ник даже не пытался скрыть сарказм.

Антрес бросил на него взгляд.

– Ты не веришь его рассказу?

– Я не верю ничему, что говорит Тадеус. Он руководствуется одним принципом: что лучше для Тадеуса. Посмотри сам. Этот здоровенный свежеватель и его люди только что скрутили вепря, который весит три с лишним сотни фунтов. Каким образом перепуганный терьер, который весит не многим больше двадцати, способен им противостоять?

– Что-то тут не сходится, – согласился Антрес. – Но и то, что делают эти люди, мне совершенно непонятно.

– Эти люди верят, что можно впитать силу человека, если срезать плоть с еще живого тела и приложить ее к себе, – зашептал Дэвис. – Еще бы ты что-то понимал.

– Но сейчас они делают что-то другое. – К горлу Мари подступила тошнота, но она не могла отвести взгляд от гнусной сцены. Великан, усевшись на вепря верхом и оттянув ему голову назад, вдруг подался вперед, перерезал зверю горло от уха до уха, и кровь умирающего вепря алым веером хлынула на землю. – Это ведь не человек, а кабан.

– Это странно, – признал Дэвис.

– Может, они свежуюют животных перед тем, как съесть? – предположил Антрес. – Возможно, это какая-то традиция?

– Смотрите! – шепнула Мари. – Великан прикладывает плоть кабана к коже людей. – Она подалась вперед и при-

щурилась, пытаюсь получше разглядеть происходящее: любознательность целительницы временно взяла верх над отвлечением. – Отсюда плохо видно, но, кажется, у них на теле открытые раны – хотя у главного их вроде бы нет. – Она скривилась. – Фу, беру свои слова назад. Я вижу, что он делает. Он вкладывает кровавые куски кабана *внутри* открытых ран, как будто это лекарство. – Ее передернуло. – Уму непостижимо.

– Отвратительно, – Ника передернуло, и он отвернулся.

– Но зачем? – Мари обращалась скорее к себе, чем остальным. – Почему он вкладывает плоть кабана в человеческие раны? Это же просто мясо. Он даже не добавил к нему целебных трав или мазей.

– Им не нужны причины. Они свежеватели, а свежеватели все ненормальные, – сказал Дэвис.

– Возможно, – согласилась Мари. – Но посмотри на него: как аккуратно он работает! Он прикрывает раны полосками мха и обвязывает их лозой. Он делает почти то же самое, что делала я, когда лечила тебя от парши, Ник.

– Но ты использовала бальзамы и травы, – возразил Ник, – а не плоть животного.

– Я делала то, в чем была уверена. Может, этот свежеватель знает что-то об исцелении, чего не знаем мы?

– Или он действительно безумец, как говорят Ник и Дэвис, – пожал плечами Антрес.

– Пора идти, – сказал Ник. – Последнее, что нам сейчас

нужно, – это проблемы со свежевателями.

– Точно, – хором откликнулись Дэвис и Антрес.

– Я вернусь на прежнее место. Думаю, до низин уже недалеко, – сказал Антрес, и они с Баст бесшумно растворились среди деревьев.

Мари, Ник и Дэвис, не поднимаясь с земли, отползли от края ущелья, а когда Ник обхватил ее за талию и почти поволок за собой, Мари не стала спорить. Она лишь сжала зубы и заставила себя переставлять ноги в направлении дома.

* * *

– Впереди низина! – крикнул Антрес, сложив ладони ру-пором.

Мари едва не повалилась на колени от облегчения.

– Мы на территории Клана. Осталось немного. Мы почти на месте.

– Гм... А куда, собственно, мы идем? – спросил Дэвис, догоняя Ника и Мари.

Мари посмотрела на него и заморгала так, словно хотела сфокусировать зрение, хотя в действительности она пыталась собрать в кучу мысли.

– Домой, конечно.

– В твою нору? – спросил Ник. – Я думал, мы идем в место, которое ты назвала родильной норой. Разве не туда Зора поведет остальных – Землеступов и Псобратьев?

– Верно, туда. – Мари безуспешно пыталась разогнать туман в голове. – Она ведет всех к родильной норе. Но отсюда до нее идти дальше, чем до дома, и я сомневаюсь, что мы успеем туда до темноты. Так что мы идем в мою нору.

– Мари, – Ник придержал ее за руку, заставляя остановиться. – Тут ведь не я один. С нами Антрес и Дэвис. Ты уверена, что хочешь привести их *в свою нору*?

Мари нахмурилась, пытаясь сообразить, что он хочет сказать. Конечно, ей хотелось попасть домой. Ей *необходимо* было попасть домой. Там она сможет отдохнуть. Сможет снова найти себя. Она недоуменно подняла глаза на Ника.

– Ник, я хочу домой.

– Эй, я знаю. – Он мягко и коснулся ее щеки. – И я отведу тебя домой. Но если мы пойдем туда сегодня, Антрес и Дэвис пойдут с нами. Ты согласна? Твой Клан не будет возражать?

На этот раз слова Ника пробились через оцепенение, и Мари захлестнула паника.

– О Мать великая, я совсем забыла!

– Забыла что? – спросил Дэвис.

Мари на него не смотрела. Она уставилась в понимающие зеленые глаза Ника.

– Я забыла, что им нельзя знать, где я живу. Ник, что со мной творится?

Ник притянул ее к себе и крепко обнял.

– Такое бывает со Жрецами Солнца, когда они призывают солнечный огонь. Честно говоря, я удивлен, что ты до сих

пор стоишь на ногах и даже разговариваешь. Но все будет хорошо! Скоро тебе полегчает.

– Постой, она сказала, что нам нельзя знать, где она живет? – переспросил Дэвис.

Ник, продолжая удерживать Мари за плечи, повернулся к нему. Одновременно с этим к ним подбежали Антрес и Баст.

– Останавливаться больше нельзя, – сказал Антрес. – Солнце садится, а ночью на поиски пищи выбирается не только рой.

– Думаю, нам нужно решить, куда мы идем, раз уж мы на территории Землеступов, – сказал Дэвис, многозначительно переводя взгляд с Ника на Мари и обратно.

– Я думал, мы идем к родильной норе, – нахмурился Антрес.

– Она слишком далеко, – пояснил Ник. – Мари не доберется до нее к заходу солнца. По крайней мере, пока не поест и не отдохнет.

– Но она не хочет, чтобы мы знали, где она живет, – сказал Дэвис.

Тон Дэвиса застал Мари врасплох. Несмотря на изнуренность, она поняла, что ее слова удивили его и ранили. Она поймала чистый, ясный взгляд молодого Псобрата.

– Не пойми меня неправильно, – сказала она. – Дело вовсе не в вас с Антресом. Закон Клана гласит, что никому нельзя знать, где находится нора Жрицы Луны. Даже другим Землеступам.

– Это ради ее защиты, – добавил Ник. – Для своего Клана она не просто целительница. – Он замялся и покосился на Мари, прежде чем продолжить: – Но это пусть рассказывает Мари, а не я.

– Ах вот оно что. Вопросы безопасности, – протянул Антрес. – Понимаю. Мы редко открываем чужакам местоположение своих берлог. Что если я поклянусь берлогой, что никому не выдам расположение твоей норы?

Мари внимательно посмотрела на наемника. Она почти ничего не знала о его народе и не имела ни малейшего представления о том, можно ли ему доверять.

– Что значит «поклониться берлогой»?

– Сильнее клятвы у нас нет. Берлоги для нас священны. Через связь с рысью мы выбираем место и строим там берлогу. Если я нарушу такую клятву, это разобьет Баст сердце – а такого я никогда не допущу.

Мари медленно кивнула. В глазах мужчины она увидела искренность. Она повернулась к Дэвису.

– А ты? Откуда мне знать, что ты никому не расскажешь, где я живу?

Дэвис грустно улыбнулся.

– Я никому не расскажу, где ты живешь, если так велит мой Жрец Солнца.

– Твой Жрец Солнца мертв, – сказал Ник.

– Нет. Мой Жрец Солнца стоит передо мной.

– Он ведь не про меня? – нахмурилась Мари.

– Нет, не про тебя. – Ник помотал головой. – Нет, Дэвис. Я не Жрец Солнца. Голосования не было. Совет не собирался. И ритуального обращения к Солнцу тоже не было. Я *не* Жрец Солнца, – повторил он.

– Лару выбрал тебя, – упрямо настаивал Дэвис. – Ты сын Сола. Все Племя знает, что он хотел сделать тебя своим приемником. Сол ждал только, чтобы тебя выбрала овчарка, чтобы все было по правилам. И это случилось. Так что тебя останавливает?

– Дэвис, я не умею призывать солнечный огонь! А Жрец Солнца должен...

Мари положила руку ему на плечо, и он замолчал.

– Но, Ник, ты хоть раз пытался призывать солнечный огонь?

– Конечно! Все в свое время пытаются. У меня это получается плохо – и так было всегда.

– А ты пытался сделать это с тех пор, как тебя выбрал Лару? – спросил Дэвис.

– Я был немного занят. – В голосе Ника зазвучал сарказм.

– Ты помог мне взять под контроль солнечный огонь, который я призвала, – сказала Мари, мягко касаясь его перевязанных рук.

– Да, но это не значит, что я могу призывать его сам.

– Так значит, все это были просто слова? – выпалил Дэвис.

– Просто... о чем ты?

– Просто слова. Все, что ты говорил. Что Племя нуждается-

ся в переменах, что оно должно обновиться, стать более открытым к чужакам?

Мари видела, как колеблется Ник. Он медленно покачал головой.

– Нет. Это были не просто слова. Я не согласен со многими из старых законов Племени. Я думаю, настало время перемен.

– Согласен, – твердо сказал Дэвис.

– Но это не значит, что я твой Жрец Солнца.

– А что бы сказал твой отец? – подал голос Антрес.

Они дружно повернулись и уставились на наемника.

– О чем ты? – спросил Ник.

Антрес пожал плечами.

– Я плохо знал Сола. Я встретил его всего несколько дней назад, но он показался мне умным, заслуживающим доверия человеком, настоящим Вожаком. Ваше Племя уважало и почитало его. Ты его сын. Ты ведь хорошо его знал?

Ник подумал о секретах, которыми с ним делился отец, и медленно кивнул.

– Я действительно хорошо его знал. Наверное, лучше, чем кто-либо в Племени – кроме, пожалуй что, матери, но она умерла много зим назад.

– Тогда тебе нетрудно будет ответить на мой вопрос. Что сказал бы твой отец, если бы ему сообщили, что ты станешь Жрецом нового племени?

– Нового племени? – повторил Ник.

– Именно, – кивнул Дэвис. – Старое Древесное Племя погибло в пожаре, Ник. Если бы оно оставалось нашим домом – если бы мы действительно хотели сохранить все как есть, – сомневаюсь, что кто-то из нас оттуда бы сегодня ушел. Значит, мы теперь новое Племя. Маленькое, но все-таки Племя. Ты будешь моим Жрецом Солнца?

Мари видела волну эмоций, отразившихся на лице Ника. Огорчение, возможно, даже страх – но видела она и другое, более сильное чувство, которое заглушало отрицательные эмоции. С радостью – с невыразимой радостью! – она увидела, как его мудрое красивое лицо осветилось надеждой. Он выжидающе посмотрел на нее.

– Я знала Сола совсем недолго, но, думаю, я знаю, что бы он сказал, – произнесла она.

– Мари, Жрец Солнца – это не просто титул. Это пожизненный труд; это призвание.

Мари торжественно кивнула.

– Ты говоришь это Жрице Клана плетельщиков. Я понимаю, почему ты колеблешься, но иногда нужно просто довериться судьбе и шагнуть вперед, а потом делать то, что считаешь нужным.

– Ник, кто-то должен это сделать, – сказал Антрес.

– Ты прав, Антрес. И этот кто-то я. – Он твердо встретил взгляд Дэвиса. – Ты понимаешь, что это значит? Что мы должны сделать, если и правда хотим создать новое Племя?

Дэвис медленно кивнул.

– Нам придется вернуться по меньшей мере за одним из них.

– Не *нам*. – Ник покачал головой. – Только мне. Дэвис, тебе придется остаться здесь – и никак не пытаться мне помочь. Если у меня не получится...

– У тебя все получится! – перебил его Дэвис.

– Не понимаю, – сказала Мари. – Ник, за чем тебе нужно вернуться?

– Священный папоротник. Без него нельзя создавать новое Племя, если мы хотим, чтобы наши дети и дети наших детей были сильными и здоровыми и несли в себе солнечный огонь. – Мари открыла рот, чтобы что-то сказать, но Ник ее прервал: – Мари, это единственное, по поводу чего у нас не будет – *не может быть* – компромиссов.

Мари не имела ни малейшего представления, почему священный папоротник был для Ника так важен, но вспомнила, что ее отец тоже забрал из Племени несколько листьев волшебного растения, в которые мать заворачивала ее, когда она была совсем маленькой.

– У Землеступов легкая рука. Если ты раздобудешь папоротник, я позабочусь о том, чтобы он прижился там, где мы решим его посадить.

– Спасибо, Мари. – Он благодарно обнял ее, а потом вышел на широкий участок тропы. – Лару, ко мне! – позвал он, и Лару, который вместе с Ригелем лежал чуть в стороне от тропы на замшелой подстилке, мгновенно оказался рядом со

своим спутником.

– Кэмми, сюда! – позвал Дэвис, и маленький пшеничный терьер, который возился в зарослях впереди, со всех лап бросился к нему.

Дэвис опустил на корточки рядом с терьером, взял его морду в обе ладони и заглянул ему в глаза, мысленно обращаясь к псу. Затем они подошли к Нику и Лару, которые молча ждали на тропе.

Дэвис остановился перед Ником. Кэмерон остановился перед Лару.

– Я клянусь тебе в верности, Николас, сын Сола, Жрец Солнца из Племени... – Дэвис замешкался и вопросительно посмотрел на Ника.

– Не Племени, – покачал головой Ник. – Давайте начнем с чистого листа. Если Мари одобрит, то я считаю, что мы должны назваться Стаей.

– Стая? Мне нравится! – сказала Мари.

– Значит, Стая, – кивнул Ник.

– Пусть будет так, – сказал Дэвис. – Я клянусь в верности Николасу, сыну Сола, Жрецу Солнца из Стаи. Отныне и до тех пор, пока у тебя есть силы и желание нести это звание, ты будешь моим Вожаком.

Дэвис подался вперед и склонил голову, полностью открывая шею. Маленький Кэмерон посмотрел на своего спутника и плюхнулся перед Лару на спину, обнажая горло и беззащитный живот. Лару обнюхал его и лизнул в нос, и Кэмми,

радостно фыркая, завиллял хвостом.

– Я принимаю твою клятву, Дэвис. И обещаю защищать тебя ценой собственной жизни. – Ник легко коснулся шеи друга и поклонился Охотнику.

– Вот и славно. Теперь все готовы? – спросил Антрес. – Темнеет на глазах.

Ник перехватил взгляд Мари и обратился к Дэвису:

– Дэвис, как твой Жрец я прошу тебя поклясться, что ты никому не выдашь местоположение норы Мари.

– Даю слово, Жрец Солнца – откликнулся Дэвис.

– Мари? – позвал Ник.

– Этого мне достаточно. Ригель! Веди нас домой!

– Охотники! Возьмите терьеров. Пока вы будете засыпать дымящиеся очаги, собаки пусть ищут выживших. Возьмите лопаты и обмотайте им лапы полосками толстой шкуры, которую я принес с платформы дубильщиков. Из-за дождя в лесу, конечно, сыро, но земля еще горячая и легко может обжечь лапы, – сказал Уилкс, повернувшись к группе Охотников, которые собрались вместе с Воинами в ожидании указаний. – Воины! – продолжил он. – Пока Охотники ищут выживших на территории города, я хочу, чтобы половина из вас отправилась на платформу для медитаций и подготовила ее для обустройства раненых. Соберите всех целителей, кого сможете найти, и доставьте туда медикаменты.

– Лазарет выгорел дотла, – сказал юный Воин по имени Ренард. Когда потомство Лару начало выбирать себе спутников, он был избран первым. Раньше Уилкс думал, что тот еще совсем дитя, а его молодой спутник по имени Волк, казалось, не мог отойти от него ни на шаг, но в этот страшный день они хорошо себя показали, и Уилкс не сомневался, что и впредь может на них положиться.

– Ты уверен, Ренард?

– Абсолютно. Я видел, как это случилось. Люди... – Он замолчал, прокашлялся и быстро вытер глаза, прежде чем продолжить: – Люди оказались в ловушке, когда загорелись

деревья и платформа. В жизни не забуду этого зрелища.

Уилкс устало потер лицо.

– Понятно. Тогда так: Воины, предлагаю вам поискать медикаменты и припасы для временного лазарета. И я не верю, что все целители погибли. Давайте попробуем их найти. Возможно, они успели выбраться из города. Остальных я прошу прикинуть, сколько гнезд можно использовать для ночлега. Накройте брезентом безопасные части платформы. Пока люди могут устроиться там. Соберите как можно больше плотников. Пусть они работают над временными укрытиями – нужно обязательно сделать что-то вроде кухни. Вопросы? – Когда вопросов не последовало, он продолжил: – Хорошо, тогда за дело. До заката осталось около часа.

Вместе с отрядом Воинов и овчарок Уилкс торопливо зашагал прочь. Тадеус смотрел, как он уходит, с нескрываемым отвращением, а в голове у него была одна мысль – мысль, которая и раньше приходила ему на ум. *Почему ему позволяется командовать только на том основании, что его спутник – овчарка? Я умнее и сильнее. Я должен быть Главой, и не только Главой Охотников.*

Одиссей жалобно заскулил, вырывая Тадеуса из размышлений. Охотник присел на корточки рядом со своим спутником.

– Знаю, тебе больно. Жаль, что из-за этой дряни я уронил кинжал. Потерпи еще немного, и сможешь отдохнуть, – сказал он Одиссею, поправляя пропитавшуюся кровью повязку

на боку маленького терьера.

– Тадеус! Где Латрел?

Тадеус обернулся к молодому Охотнику по имени Шон, который показался из еще дымящегося леса и заковылял к нему. Его здорово потрепало: вся его кожа там, где ее не скрывала сажа, была покрыта красными пятнами. Он нес на руках своего терьера по имени Китто. Лапы у пса были страшно обожжены.

– Я уже несколько часов его не видел. – Тадеус встал и повернулся к Шону, а мысленно добавил: «И, надеюсь, больше не увижу. Слишком уж много от него проблем». – А что такое, Шон? Зачем он тебе?

– Когда Китто обжегся, я был с Латрелом на западной окраине города. Он сказал мне взять его на руки и попытаться пробиться к Каналу, что я и сделал. Но по пути туда ветер переменялся, и мы друг друга потеряли.

– Да, ветер весь день меняется. Отправляйся на платформу для медитаций. Там сейчас устраивают лазарет. Там тебе и Китто окажут помощь.

– Так и сделаю. Но я не поэтому искал Латрела. – Шон понизил голос и шагнул ближе, явно не желая, чтобы его услышал кто-то еще. – Дело в Совете. Я... думаю, они все мертвы.

Тадеуса захлестнуло радостное волнение, которое он замаскировал озабоченным выражением лица. Он взял Шона под локоть и отвел подальше от Охотников.

– Сейчас же расскажи, что тебе известно. Только тихо.

– Сирил собрал Старейшин, чтобы вывести их из города и добраться до Канала. Они шли прямо передо мной, когда ветер переменился и огонь пошел в другую сторону. Тадеус, дерево просто взорвалось. Подожгло еще одно, а то – третье. Все случилось невероятно быстро. Только что впереди была широкая свободная тропа к Каналу. А в следующую секунду на ее месте была стена огня. Меня отрезало от них. Мне ничего не оставалось, как только убежать под их крики. – Шон опустил голову, зарывшись лицом в мягкую шерсть своего терьера, и маленький пес жалостливо заскулил, разделяя скорбь своего всхлипывающего спутника.

Тадеус оттащил плачущего Охотника еще дальше.

– Ты уверен, что весь Совет оказался в ловушке?

– Там были все – все двенадцать человек с собаками. – Шон помотал головой. – Все овчарки... все Старейшины. Это... это просто кошмар.

– Где это было? На какой из дорог?

– На западной – той из двух троп, пересекающих ручеек, что пошире. Примерно в десяти минутах от города.

– Хорошо. Ты молодец, что все рассказал. А теперь иди на платформу для медитаций и проследи, чтобы о Китто позаботились. Я пойду по тропе. Может, кто-то из них выжил. Только не говори никому об этом, пока я не выясню, что случилось с Советом. Не стоит подливать масла в огонь – люди и так в панике.

– Я молюсь Солнцу, чтобы они выжили, но, Тадеус, я не

представляю, как кто-то мог выбраться из этого ужаса.

Тадеус промолчал – только сосредоточенно кивнул и махнул рукой в сторону платформы для медитаций. Шон поплелся туда, прижимая к себе терьера и тихо всхлипывая. Тадеус посмотрел на Одиссея. Даже будучи раненым, терьер пристально смотрел на него своими умными глазами.

– Все верно. Мы с тобой немного поохотимся. Пойдем, малыш.

Одиссей, прихрамывая, подошел к своему спутнику. Тадеус взял маленького терьера на руки, и они скрылись в лесу.

Найти членов Совета оказалось нетрудно – точнее, найти то, что от них осталось. На тропу упало дерево, которое, видимо, спасло Шону жизнь, отрезав его от Совета, потому что пламя двинулось в сторону Старейшин, а не к нему.

Опознать тела оказалось невозможно. Люди и собаки лежали вперемешку почти друг на друге. Несмотря на дождь, в этой части леса до сих пор было слишком жарко – и Тадеус не рискнул бы посылать Одиссея к дымящейся груде костей и плоти, чтобы попытаться сосчитать тела, даже если бы терьер не был ранен. Вместо этого Тадеус осмотрелся в поисках лазейки, через которую кто-нибудь мог прорваться и сбежать.

– Думаю, они все погибли, Одиссей. – Тадеус осторожно опустил спутника на тропу и присел рядом, почесывая черные уши Одиссея. – А значит, в действующем Совете образовалось довольно много вакантных мест. Если быть точнее,

от Совета не осталось ничего – и скатертью дорожка. Похоже, придется собирать *новый* Совет – как я и говорил. Таковой, в котором власть принадлежит не только овчаркам и их спутникам-Вожакам. – Одиссей завилял хвостом так отчаянно, что все его маленькое тело пришло в движение, и пес взвизгнул от боли. Тадеус засмеялся. – Эй, полегче, иначе рана снова откроется. Пойдем, малыш. Я отнесу тебя домой и попробую добыть нам на ужин сочного кролика.

Но не успел Тадеус повернуться к тропе, ведущей в город, как сзади донесся слабый голос:

– Помогите! Помогите мне. Я тут. Я живой!

Тадеус огляделся вокруг.

– Кто это?

– Сирил! Я тут!

– Где? Я вас не вижу!

Одиссей принялся выворачиваться из рук Тадеуса, и ему пришлось опустить пса на землю. Тявкнув, терьер захромал в сторону от тропы и остановился, поджав одну лапу, на краю крутого склона, канава у подножия которого была заполнена дождевой водой и завалена обгорелыми обломками. Одиссей залаял.

Тадеус поспешил к нему и резко остановился, когда то, что он принял за обугленное бревно, шевельнулось, перекачилось и открыло глаза.

– Солнечный огонь! Это и правда вы! – Недолго думая, Тадеус начал спускаться по склону, двигаясь быстро и уве-

ренно, как терьер, – *нечеловечески* быстро и уверенно. Он остановился рядом со стариком. – Где Аргос?

– Я отправил его за помощью. Как... как ты сюда спустился? Склон почти отвесный! – Сирил моргал, пытаясь сфокусироваться, и со странным выражением смотрел на Тадеуса.

Тадеус пожал плечами.

– Охотники тем и славятся, что умеют попадать в труднодоступные места и выбираться из них. Повезло вам. Вы сильно ранены?

– Не знаю. Со мной что-то не в порядке. Поэтому мы и отстали от остальных. Грудь и рука болели. Очень сильно. Я начал задыхаться, и мы с Аргосом остановились перевести дух. Остальные пошли дальше. Они... кричали. Их крики до сих пор звенят у меня в ушах. Почему я еще жив? Я должен был умереть вместе с ними.

– Теперь им уже не больно. – Тадеус помолчал и добавил: – С вами был *весь* Совет?

Сирил слабо кивнул.

– Каковы шансы, что кто-то мог выжить, как вы?

Старик содрогнулся и закрыл глаза.

– Никаких. *Это* не мог пережить никто.

– Понимаю. Я отведу вас назад. Вам придется собрать новый Совет. Без вас все катится в пекло. Уилкс позволил Нику и его землерыльской шлюхе уйти, хотя это они виноваты в случившемся. Они должны заплатить за то, что натворили.

Старик открыл глаза и печально покачал головой.

– Нет, Тадеус, виноваты не Ник с девочкой. Виноваты мы. Я лежал здесь и думал о многих вещах – особенно о том, что случилось ночью. Я ошибался – мы все ошибались. Произошедшее на Ферме – наша вина. Из-за нас погиб Жрец Солнца, славный, благородный человек. Погиб Совет. – Он снова прикрыл глаза, как будто веки были слишком тяжелы. По морщинистым щекам Сирила заструились слезы. – Я должен был остаться с ними. Я должен был умереть.

– Послушайте, вы сейчас плохо соображаете. Вам нужно отдохнуть, и тогда вы снова станете собой.

– Соображаю я лучше некуда – возможно, впервые за много лет. Я вижу, что был неправ, и готов это признать. И первое, что я должен признать перед лицом Племени, – это что девочка по имени Мари – дочь Псобрата, который был одним из лучших Воинов Племени.

– Что вы такое говорите? Вы точно не ударились головой? – Тадеус попытался ощупать голову старика, но Сирил слабо отмахнулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.